

Триумвират

Автор:

Дмитрий Черепнев

Триумвират

Дмитрий Аркадьевич Зурков

Игорь Аркадьевич Черепнев

Бешеный прапорщик #5Боевая фантастика (АСТ)

Место действия – Российская империя. Время – Первая мировая война. Три человека, по прихоти Судьбы перенесённые из далёкого две тысячи первого, всё-таки встречаются. Для чего? Чтобы эта капризная дама поиграла с ними в кошки-мышки? Или чтобы исправить ошибку Истории и не дать стране сорваться в кровавый хаос? Ничего ещё не predetermined... Но триумвират попаданцев уже существует и действует. И пусть против них все: начиная от пресловутой мировой закулисы и банковских воротил, желающих урвать на халяву лакомые куски и превратить в нищую колонию огромную страну; армий, пытающихся вбить в пыль героев, осененных георгиевской лентой, и заканчивая революционерами всех мастей, жаждущими крови и разрушений... Хотя есть еще достаточно людей, для которых слово «Россия» – не пустой звук...

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев

Триумвират

© Дмитрий Зурков, 2018

© Игорь Черепнев, 2018

* * *

Авторы искренне благодарят участников форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», кто помогал советами и замечаниями и без чьего участия книга не получилась бы такой, как она есть, и особенно:

Светлану, Екатерину и Илью Полозковых, Элеонору и Грету Черепневых, Ольгу Лашенко, Анатолия Спесивцева, Владимира Геллера, Игоря Мармонтова, Виктора Дурова, Виталия Сергеева, Александра Колесникова, Владимира Черменского, Андрея Метелёва и Валерия Дубницкого.

Глава 1

Хорошо жить в боярских хоромах! Особенно учитывая последние достижения науки и техники. Типа электричества, водоснабжения и всех остальных удобств. Вот уже больше недели я обитаю в гостях у академика Павлова вместе с Дашей и ее мамой, которая «подстраховывает» вторым номером мою медсестричку. А еще компанию мне составляет Семен. По моей просьбе Иван Петрович забрал сибиряка из госпиталя к себе на излечение. Левую руку полностью спасти ему не удалось, пришлось ампутировать посередине предплечья. Ходит мрачный, но вроде ему тут потихоньку начинает нравиться. Товарищ майор, который ныне академик, предложил ему остаться инструктором в Институте. Будет обучать будущих следопытов и метких стрелков. Тем более что ротмистр Воронцов, вовлеченный в нашу «очень тайную организацию» и отвечающий за безопасность Института, сначала выпытывал у него особенности подготовки, а вчера получил с моей стороны обещание прислать несколько человек из первого состава в командировку для обучения местной охраны. А Павлов собрался – в случае согласия сибиряка остаться – помочь с протезом и переездом его семьи сюда.

Ну, да ладно, на сегодняшний момент есть более насущные проблемы. Например, сегодняшний приезд моих родителей!.. За что, опять-таки,

благодарить надо товарища майора-академика. Вот уж, действительно, широко развернулся под крылышком у принца Ольденбургского. Вызнал все о предстоящей свадьбе и принял свое гениальное командирское решение. А меня поставил в известность только после того, как получил телеграмму о том, что предки мои выехали. Все мои возмущенные вопли о неприкосновенности личной жизни не возымели на него никакого воздействия. Из-за одного-единственного железобетонного аргумента.

– Денис Анатольевич, я знаю, что ты, конечно, не ефрейтор Сашка, но по местным дамам там тоже побегал в свое удовольствие. Сейчас ситуация другая, потому и нельзя пускать все на самотек. Ты мне скажи, ты на мадемуазель Даше хочешь жениться?

– Конечно, хочу! Только какое это имеет отношение...

– Тогда о чем мы спорим? Я тебе наоборот помогаю. Ты сам-то когда смог бы получить родительское благословление, а? Поехал бы в Томск изображать возвращение блудного чада с просьбой разрешить стать взрослым? А тут – родители героя едут повидать своего сына. Причем за казенный кошт. Ну, почти за казенный. И здесь о тебе будут хлопотать и знаменитый академик, и боевой генерал, и, если потребуется, сам принц Ольденбургский, который уже в курсе, что спаситель великой княжны проходит лечение в Институте. Думаешь, он не захочет замолвить словечко в знак благодарности и признательности?.. Вот так-то, старлей. Ты там, на фронте, может, и не видишь в полном объеме того бардака, что творится в стране, а я его уже досыта навидался. Ты в девяносто первом еще сопляком был, а я знаю, что такое – терять страну! И чем быстрее решим все личные вопросы, тем быстрее начнем... Ладно, об этом потом, когда граф Келлер вернется и тебя на ноги поставим...

А вот и моя ненаглядная прибежала. Во всем стерильно-чистом, как и подобает образцово-показательной сестре милосердия. С утра носилась как заведенная, наводя порядок в палате, после того, как горничная всё уже сделала, вытирала тряпочкой невидимую и, скорее всего, несуществующую пыль. Перед посещением императора такого не было!.. Хотя оно и понятно. Где император, а где будущие свекр со свекровью... Потом уговорами впихнула в меня за завтраком лишних полфунта сухофруктов, мотивируя тем, что они полезны для кроветворной системы. Вот лишних стописят красного сухого почему-то никто не предлагает! Хотя они тоже для этой системы очень полезительны... Что-то меня несет, тоже мандражирую слегка... Так, успокаиваемся и в очередной раз

успокаиваем разнервничавшуюся медсестричку...

– Денис, а вдруг я им не понравлюсь?..

Тысячу раз слышал уже этот вопрос и видел эти огромные испуганные глаза. Это какой-то изощренный самосадиизм! Даже знаю, как по-медицински звучит диагноз – «Невестин синдром».

– Дашенька, не может быть такого! Ты им обязательно понравишься!..

– Нет, ну а вдруг?..

– Не будет никакого «вдруг»! Ты – самая лучшая, весь мир у твоих ног, в том числе и я, весь такой бедный и несчастный!.. Которого сегодня только два раза пожалели, вот!..

Насколько хватает артистических способностей, делаю обиженную мордочку. Моя милая не выдерживает и улыбается... И в этот момент распахивается дверь, и на пороге появляются мои – теперь уже мои – родители!.. Мама немного располнела, и на лице чуть прибавилось морщинок, отец все такой же сухопарый, пытается придать лицу невозмутимое выражение. Но вид у обоих ошалелый. Рядом, стараясь выглядеть серьезным, стоит Иван Петрович.

– Вот здесь и обитает ваш, точнее, наш герой! Как видите, мы постарались создать наилучшие условия для его выздоровления!.. Ну-с, не будем мешать! Мы оставим вас ненадолго... Дашенька, голубушка, пойдете...

Незаметно подмигнув, академик, взяв под руку мою милую, быстро исчезает... Как там у классиков? Лучшая защита – это нападение? Попробуем взять инициативу в свои руки!..

– Папа, мам, здравствуйте, как я рад вас видеть! Мама, не волнуйся, со мной все в порядке! Несколько царапин и рука прострелена... Но уже все заживает!..

– Как прострелена?! Где?! Тебе не больно?! – с тревогой глядя на меня, спрашивает мама. – Как это случилось?!

– Да теперь уже все нормально, мам, в бою пулей прострелили. Вот и получилась у меня лишняя дырка... Сейчас уже почти зажило все!

– Наденька, ты же видишь, живой, здоровый!.. Почти... – папа пытается ее успокоить, затем протягивает мне руку. – Ну, здравствуй, сын!..

– Здравствуй, папа!.. Нет, правой не могу, она как раз и ранена...

Отец, досадливо поморщившись на свою несообразительность, машет рукой.

– Да вы садитесь рядышком, вот специально кушетку для этого притащили...

– Денис, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос... – папа, как всегда, начинает официальным тоном, но потом чуть тушует. – Когда мы в газетах прочитали о покушении на великую княжну и о том, что ее спасли солдаты некоего штабс-капитана Гурова, немногие поверили, что это был ты. И я, честно говоря, – тоже. Ты еще полгода назад был всего лишь прапорщиком, да и вообще... с самого детства – избалованным любимчиком матери... Но когда меня вызвал к себе сам градоначальник и настоятельно рекомендовал срочно выехать в Москву... До этого мне и в голову не приходило, что мой сын... Как получилось, что...

– Папа, все дети рано или поздно взрослеют. Со мной это случилось после контузии... Ну, я об этом вам писал...

– Денис, а почему писал так редко?.. – отец срывается на привычную нотацию, но под маминым взглядом осекается. – Извини, я тебя перебил...

– Простите меня... Не всегда была возможность писать... Не могу вдаваться в подробности, но это из-за особенности службы. Хотел написать, когда совершу какой-нибудь подвиг, когда стану настоящим мужчиной, как ты и хотел, папа!.. Теперь я буду писать вам чаще...

– А про спасение Ольги Николаевны ты можешь нам рассказать?

Мама уже успокоилась и приготовилась слушать романтическую историю в духе рыцарских романов. Не буду ее разочаровывать. Естественно, в меру дозволенного...

Мое животрепещущее повествование прерывается скрипом двери. На пороге стоит Даша с подносом в руках. Смущается и покрывается румянцем. Потом все же справляется с собой.

– Прошу простить, Денису... Анатолевичу необходимо принять лекарство...

– Мама, папа, познакомьтесь, это Да... Кхрг... Дарья Александровна Филатова, сестра милосердия, мой ангел-хранитель, уже второй раз выхаживает меня после ранений...

Смущенный ангел-хранитель дает мне какие-то пилюльки, мензурку с травяным отваром и тихонько, как мышка, исчезает за дверью.

– Денис, а кто она?

– Как я уже сказал, – Дарья Александровна Филатова, дочь инженера-путейца Гомельских железнодорожных мастерских... И моя невеста!.. Мы помолвлены!..

– Сын! Как ты мог?!

– Анатоль!.. Наш мальчик уже сказал тебе, что стал взрослым... – Опаньки, такой тон я слышал за свою жизнь пару раз, не больше!.. Мама лукаво смотрит на меня и продолжает уже мягче: – Она тут одна?

– Нет, со своей мамой...

– И как ее зовут? Я имею в виду – маму...

– Полина Артемьевна...

– Хорошо, вы тут побеседуйте, а я хочу познакомиться с Дарьей Александровной и Полиной Артемьевной поближе...

Мы остаемся вдвоем, отец некоторое время озадаченно молчит, потом произносит:

– Да, Денис, ты действительно стал каким-то другим, взрослым... За неполных два года из восторженного юноши превратился в...

– Во взрослого мужчину, штабс-капитана Русской армии, кавалера трех орденов и прочая, и прочая... Извини за грубость, папа, но армия из зеленого дерьма делает стальные штыки...

– Кто это сказал?

– Какой-то великий философ...

А почему бы, собственно, простому сержанту и не быть великим философом?..

Глава 2

Через пару дней, закончив предварительное расследование, вернулся наш граф Келлер. Причем не один, а вместе с капитаном Бойко, прикомандированным к генералу «вплоть до особого распоряжения».

Воспользовавшись своими связями и возможностями и назначив непосредственным исполнителем доктора Голубева, академик организовал для моих «родных и близких» экскурсию в Первопрестольную почти на целый день. Так что мы смогли спокойно собраться на «конспиративной явке» в кабинете Ивана Петровича. Невзирая на возражения господ эскулапов, туда я добрался своим ходом, правда, с помощью пожилого санитара, который сначала одел и обул меня в подобие спортивного костюма, так как самому нагибаться было еще больно, а потом, поддерживая под здоровый локоток, отбуксировал по месту назначения. Все уже собрались, так что с появлением бледной немочи в моем исполнении началось первое заседание клуба «Что, где, когда?». Потому, что сегодня мы должны были ответить хотя бы предварительно на эти вопросы. В смысле, что, где и когда мы будем делать, чтобы малость откорректировать поведение Госпожи Истории. Тем более что некий ефрейтор Александров, ныне обитающий в генерале Келлере, был яростным фанатом этой игры, капитаном факультетской команды в своем универе и являлся бездонным кладезем фактов по военной технике и истории. А во время службы даже бомбардировал

Ворошилова своими письмами в тщетной надежде прославиться и услышать свой вопрос с голубого экрана.

В качестве вступления Федор Артурович поведал все, что удалось узнать в ходе расследования.

– Факты таковы, господа, что мы имеем дело с хорошо продуманной акцией. И самодеятельностью революционеров-террористов здесь и не пахнет. Подобранные в лесу раненые поляки очень быстро сдали телеграфиста Марчинского, который приютил их на брошенном хуторе, снабдил оружием и дал информацию о движении поезда. Взяли его и сообщника. Марчинский очень быстро раскололся и рассказал все, что знал, и все, о чем догадывался. Работал он на разведывательный отдел германского Генерального штаба, и вся катавасия, по его словам, была затеяна с целью похищения великой княжны, чтобы иметь хороший предлог и весомый аргумент для сепаратных переговоров о мире с российским императором.

– Покорнейше прошу извинить, ваше превосходительство, но насколько ему можно верить? – выражает вполне обоснованное сомнение ротмистр Воронцов. – Мои коллеги участвовали в расследовании?

– Конечно, Петр Всеславович, Минское отделение всемерно нам помогало. В полном составе. А насчет искренности – казачьи нагайки всегда были хорошими стимулами говорить правду...

Вопросительно смотрю на Валерия Антоновича, тот, улыбаясь, утвердительно кивает головой... Значит, дело проходило у нас на базе... Кто там из мастеров был?... Михалыч, Гриня, Митяй и мелкий Змей Горыныч, в смысле – Егорка. Типа игра в четыре руки?... Нью-ню!.. Скорее всего, жертва действительно сказала все и даже немножко сверх этого. Особенно учитывая то, что спрашивавшие, помня об убитых и раненых в последней операции, имели свою кровную заинтересованность.

– ...сомнения вызывают только два факта. Во-первых, у убитой польки был найден пропуск через линию фронта на немецком языке и предписание всем должностным лицам германской армии оказывать всемерное содействие. Документ без имени, на предъявителя. Бумага отправлена на экспертизу, но ответа еще нет. И, во-вторых, когда беседовал с Ольгой Николаевной, она

сказала, что там, на поляне, девица о чем-то говорила с умирающим главарем. Польский княжна не понимает, но слова «Ла-Манш» и «Лондон» ей запомнились. Так что не исключено, что тут замешаны и наши союзники.

– Какой им смысл убивать члена императорской семьи и, кстати, дальнюю родственницу короля Георга? – Иван Петрович вопросительно смотрит на генерала.

– Смысл есть только если можно свалить исполнение на германцев. А учитывая очень своевременное появление этих вестфальских егерей...

– Прошу прощения, Федор Артурович! – спешу поделиться своими мыслями. – Гауптман, который всеми ими командовал – отнюдь не егерь. Я с ним немного знаком. Это – Генрих фон Штайнберг, командовал ранее авиаотрядом, потом он гонялся за нами вместе с «зелеными» возле Ловича... Кстати, тогда егеря были пешими. А Вестфальский полк?.. Кавалеристы?.. Тогда где их шпоры?..

– Ну, положим, шпоры они могли снять перед лесом, чтобы удобней было двигаться... В общем, с пленными еще работать и работать...

– И еще... Гауптман на поляне подошел к княжне, вытянулся и отдал честь. Не похоже, чтобы они собирались ее убить.

– Да, Денис Анатольевич, Ольга Николаевна сказала, что он представился и доложил, что прибыл на помощь. Германцы, наоборот, должны были с нее пылинки сдувать и на руках носить...

– Федор Артурович, а давайте-ка их к нам! Петр Всеславович, мы в состоянии обеспечить их охрану?.. – У Павлова от какой-то идеи загорелись глаза. – Испытаем на них новую аппаратуру... Денис Анатольевич, не смотрите на меня, как на профессора-маньяка!.. Вопрос стоит только о проверке опытного экземпляра полиграфа, сиречь, детектора лжи.

– А он у вас с обратной связью?.. Типа, сказал неправду – и больно?..

– Нет, так кто из нас маньяк?.. – смеется Павлов.

– Наверное, все же господин штабс-капитан, – улыбаясь, поддерживает его Валерий Антонович. – В отряде случайно обронил одну из своих... хохмочек, мол, «больно – это наша работа», теперь на занятиях по рукопашному бою только это от бойцов и слышно.

– Так, теперь об отряде, точнее – о батальоне, – продолжает генерал Келлер. – На докладе у его величества был разговор и об этом. Так что, Денис Анатольевич, вместе с капитаном Бойко готовьте предложения по личному составу и вооружению, буду лоббировать их в Ставке. Насколько я знаю, предварительные наметки у вас есть. Кстати, я разговаривал с генералом Алексеевым, он обещал мне здесь, на Западном фронте, кавалерийский корпус. С приданной артиллерией, между прочим. Имейте это в виду. Так же, как и то, что я буду просить прикомандировать к нему ваш батальон... Да, и еще! Я взял на себя смелость назвать его батальоном специального назначения и ввиду его особого статуса попросил государя-императора назначить шефом батальона великую княжну Ольгу Николаевну!.. Думаю, это будет всяко лучше, чем кто-то из великих князей попытается подгрести вас под себя.

– Федор Артурович, спасибо! – Вот уж, действительно, хорошие новости. – Сегодня же с Валерием Антоновичем все распишем!

– И поторопитесь! По секрету – его величество через неделю собирается выехать на фронт. Я так думаю, что он непременно захочет заехать к вам. Поэтому, господин капитан, подготовьтесь как следует. Не надо никакой особой парадности и торжественности. Покажите государю все, что умеют ваши солдаты. Тактику, стрельбу, рукопашный бой, ну и все остальное. Хотя он же любит традиционные смотры... Успеете разучить новую строевую песню?.. Денис Анатольевич, вы же помните «Путь далек у нас с тобою», напишите слова, пожалуйста!.. Ну вот, вроде и все, что хотел сказать.

– Теперь моя очередь... Что-то у нас ерунда получается, вроде отчетно-выборного собрания. Ну, ладно... – Павлов поудобней устраивается в кресле. – Федор Артурович, вы уже немного в курсе моих дел, но сейчас расскажу подробно и обо всем. Институт, в котором мы сейчас находимся, пока является в основном медицинским учреждением, где отрабатываются самые передовые на сегодня способы лечения. Кстати, Денис Анатольевич, вы не задавались вопросом, отчего так быстро пошли на поправку? При том, что в санитарном поезде вас буквально вытащили с того света. Я, конечно, не буду умалять роль мадемуазель Даши, но в обычном госпитале вы бы провалялись месяца три,

ежедневно молясь о том, чтобы не начались осложнения. А пенициллинчика-то в аптеке нет-с! По причине его полного наличия отсутствия. А весь секрет, голубчик, в воздействии на вас информационными электромагнитными полями. Это те процедуры, которые вы ошибочно приняли за физиотерапию. А на самом деле – отличная методика для лечения широкого спектра заболеваний...

Так вот, Институт в этом качестве получил широкую известность, поэтому от толстосумов, желающих вылечить реальную или мнимую болячку, нет отбоя. Что, собственно, и позволяет во-первых, заниматься некоторой благотворительностью, а во-вторых, вести исследовательские работы, причем не только по медицинской линии. Если вкратце, то помимо медицинской линии ведутся работы в области связи и, вообще, электро- и радиотехники. Насколько это возможно сейчас. В данный момент работает лаборатория по усовершенствованию элементной базы – пока ламповой, но в перспективе выход на полупроводники. Что такое р-п-р-переходы, еще никто не забыл?.. Причем все, что можно запатентовать, немедленно оформляется. Например, отработан способ сублимирования... Простите, Валерий Антонович, дурная привычка все объяснять непонятными словами!.. Сублимирование – это обезвоживание особым способом. Сейчас есть опытные экземпляры продуктов, занимающие очень немного места и весящие всего ничего. Но поместив такой «брикетик» в котелок с горячей водой, солдат может получить, например... кусок хорошо прожаренного мяса. Представьте, что сухой паек будет весить в несколько раз меньше, чем до этого. Уже поданы бумаги на оформление привилегии. Сейчас вместе с доктором Боткиным занимаюсь вопросом обработки консервов и перевязочных средств ионами серебра.

– Иван Петрович, я понимаю, что это – задел на будущее. Но сейчас идет война...

– И вы, Денис Анатольевич, хотите узнать, что сделал академик Павлов, так сказать, для фронта, для победы? Пока немного. Разработка новых индпакетов, работа над антибиотиками, недавно перетащил к себе удивительного самоучку, Якова Пономаренко, делающего протезы, да такие, что получали Гран-при на выставке в Париже! Вот как раз для вашего сибиряка он сейчас и трудится. В ближайшей перспективе – открыть под его руководством цех. Как раз для нужд фронта... Если хотите узнать про ядрен-батон – еще не изобрел. Но думаю об этом...

– Нет уж, свят-свят-свят! – Ага, с этого гения станется. Будущий Эйнштейн, блин, с Оппенгеймером пополам. Реальный Тесла, говорят, Тунгусский метеорит

изобрел, а этот еще дальше пойти хочет. – Спасибо, Иван Петрович, конечно, за заботу, но как-нибудь в другой раз, попозже! А лучше – вообще никогда!.. Хотя вряд ли получится...

– Так вот и я о том же, Денис Анатольевич! – Павлов ехидно улыбается. – Не мы, так – нам!

– Ну, это – дело далекого будущего. А нам воевать надо сейчас. У вас на примете никакой слесарно-инструментальной мастерской нет?.. А жаль. Пока временно недееспособный, хотел поизобретать немного. Пистолет-пулемет, например, или какой-нибудь миномет-гранатомет. И разведчикам, и штурмовикам необходимо новое оружие. Пока желательно такое, чтобы можно было сварганить его с минимумом оборудования. Производственная база нужна...

– Вы, Денис Анатольевич, лучше подумайте не об этом, а вот о чем, – вступает в дискуссию молча слушавший до сих пор Федор Артурович. – Так и собираетесь остаться в обер-офицерских чинах, или, как сами когда-то говорили, «на рельсы встать» желаете? Погоны с двумя просветами хотите носить?.. Если да, то готовьтесь, пока есть время, сдавать экстерном экзамены за курс военного училища. Тогда будете приравнены к кадровым. Сможете дорасти со временем и до моих чинов. И в Офицерскую стрелковую школу, что в Ораниенбауме, тоже не мешало бы вам съездить. Там сейчас в основном готовят пулеметчиков, но помимо этого серьезно занимаются бронеавтомобилями. А вы, насколько я понимаю, хотите в личное пользование аж три БТРа соорудить. Вот и пообщаетесь с умными людьми. Что-то они подскажут, что-то вы им...

– Издеваться изволите, ваше превосходительство? Или это маленькая ефрейторская месть?.. По милой улыбке вижу, что – да... А кто будет заниматься первым в мире батальоном спецназа? Если разведку и диверсии мы в целом освоили, то штурмовики еще в самом зарождении.

– Кстати, поведайте нам о своих успехах. А то по штабам разные слухи ходят. В том числе и самые фантастические.

– Ну, если очень кратко... Начинал с четырех казаков-добровольцев, сейчас, как сами знаете, разворачиваемся в батальон. В активе – срыв химической атаки возле Ловича и ликвидация Гинденбурга и Людендорфа. Это – не считая мелких шалостей... Ну, и спасение великой княжны Ольги Николаевны.

– Значит, слухи не такие уж фантастические. Браво!.. – Келлер довольно улыбается.

– А помимо этого практически полная остановка движения противника по рокадной железной дороге Скерневицы – Лович – Сохачев во время нашего отступления. И, как следствие, почти полное прекращение снабжения передовых частей противника, – Валерий Антонович решает разбавить мою лаконичность, – а также вскрытие германской шпионской сети в Минске и личное участие в операции по обезвреживанию главных фигурантов.

– Однако вы все это время не скучали, господин штабс-капитан! – Иван Петрович немного удивлен. – Пряма-таки Джеймс Бонд какой-то!

– Не-а, мистер Бонд уплыл по Висле на подводной лодке в свою любимую Англию. – Видя заинтересованность собеседников, объясняю: – Когда уходили от егерей, пришлось германский пароходик захватить. Вот капитану по ушам и поездил, мол, разрешите представиться, Бонд, Джеймс Бонд, офицер флота его величества короля Георга. Вот сейчас заберу пару секретных ящичков с вашего парохода, сяду в подлодку и уплыву домой. И даже спел ему пару строчек типа «We all live in Yellow Submarine».

– Ну, старлей, ну, молодец! – под дружный смех комментирует Павлов. – Надо же было додуматься!..

* * *

После перерыва на обед, доставленный прямо на место, разговор снова вернулся к самому серьезному вопросу – «что делать?». Окончательная цель, естественно, была понятна, но как это сделать, до конца не решили. И самую большую проблему составлял наш генерал со своим фанатизмом в отношении Николая II...

– Я, впрочем, как и вы, господа, присягал государю-императору Николаю Второму и нарушать клятву не намерен! – Келлер обводит нас грозным «орлиным» взглядом. – И уподобляться лейб-кампанцам Елизаветы Петровны не собираюсь!

– Федор Артурович, бога ради, успокойтесь! – Павлов примирительно поднимает руки. – Никто и не собирается устраивать подобные штуки! Мы же все знаем, что очень скоро наш самодержец отречется от трона в пользу своего брата Михаила Александровича. И за себя, и за цесаревича Алексея... И я так думаю, что наша задача к тому времени – просветить великого князя о грядущих переменах и привлечь его в наши ряды. Тем более что, насколько я помню, после перестройки, в середине девяностых появилась и упорно гуляла версия о том, что Александр Третий взял с нынешнего императора слово, что тот передаст власть младшему брату. Не будем спорить об истинности этого тезиса, правду мы, скорее всего, никогда не узнаем. Просто нам нужно, чтобы Хозяин земли Русской согласился на те реформы и преобразования, которые мы предложим. И с этой точки зрения Михаил Александрович гораздо лучше.

– Невзирая даже на морганатический брак и явные англофильские взгляды? – Федор Артурович, успокоившись, с сомнением смотрит на собеседника. – Если бы не война, ему бы и в Россию не разрешили вернуться. Я не говорю уж о том, что половина высшего света его просто не воспримет, как царя... Денис Анатольевич, что вы так многозначительно улыбаетесь?

– Я жду, когда вы, господа, напоритесь вдоволь, чтобы задать один, но очень важный вопрос.

Честно говоря, немного поднадоело слушать эту перепалку.

– Вам не кажется, что мы не с того начали? Что сначала нужно сообразить, как мы будем разгребать весь этот навоз, в смысле, какие реформы и как радикально проводить. А уж потом думать, кто из виртуальных венценосцев сможет это сделать... И сможет ли вообще. Что, по-вашему, необходимо сделать, чтобы потушить пожар, а не загонять его вглубь?.. Я, конечно, не гений-реформатор, но... На кого будет опираться будущая власть?.. На миллионы крестьян, которые сейчас вместо того, чтобы заниматься делом, сидят в окопах и кормят вшей?.. Или, как раньше, на дворянское сословие, которое в большинстве своем давно забыло слово «Родина», за что отдельное спасибо Екатерине нумер два с её дворянской вольностью?.. На пролетариат, который, по всем известному выражению, не имеет ничего, кроме своих цепей, и горбатится на фабриках и заводах по двенадцать – четырнадцать часов в сутки?.. А может, на купцов и промышленников, которые готовы удавиться за лишнюю копейку? Которые создали замечательный бюджетно-доильно-распиловочный аппарат под названием «Земгор»?..

– Денис Анатольевич, вы прямо как настоящий революционер нас за Советскую власть агитируете! – Иван Петрович переключается с Келлера на мою скромную персону. – Что конкретно предлагаете?

– Пока только мысли вслух. Потому как конкретных деталей и особенностей не знаю... Первое – земля должна быть в собственности у тех, кто на ней работает. И под этим соусом, мне кажется, проще придавить землевладельцев, а не крестьян. Поэтому первым делом – выкуп земли государством с отсрочкой лет на десять – пятнадцать...

– Ага, так они и согласились!..

– А куда они денутся с подводной лодки? И что они смогут сделать?.. Определяем минимальный кусок под поместье, остальное облагаем налогом на роскошь!.. Или национализация всей земли с последующей раздачей лично каждому крестьянину. И продумать правильное налогообложение!.. Далее, торговля хлебом должна быть монополией государства!.. Создать что-то наподобие Росрезерва... Затем... Рабочим – нормальный рабочий день и условия для работы. И самое главное – увеличивать количество квалифицированных специалистов. Чтобы поменьше было «подай, принеси, не мешай, пошел на...».

– Вот теперь мы и подобрались к самому важному вопросу! – Иван Петрович довольно улыбается. – То, что вы только что сказали, можно обозначить тремя словами: индустриализация, образование, наука!.. Но, если мы сейчас начнем с этим всем разбираться, залезем в совсем уж несусветные дебри. Пока что стоит вопрос о том, как не допустить развала страны! И закончить войну. Может быть, даже и без союзников... Подождите возмущаться! И подумайте, что, кроме подписанного договора и честного слова царя, опрометчиво данного союзникам, заставляет нас воевать?.. Про присягу я помню, Федор Артурович!.. Что может получить Россия в этой войне нужного и полезного?..

Первое заседание нашего триумvirата было длительным, сумбурным и иногда очень эмоциональным...

Утро за окном абсолютно не походило на то, что обычно творится в конце ноября. Никаких темно-серых тонов, голубое небо, правда, уже с тем самым особенным оттенком осени, редкие белые облачка, все еще яркое пригревающее солнышко. Если смотреть в окно, лежа на кровати, вообще кажется, что на дворе лето. Потому, что не видно ни разноцветной желто-багряной листвы, ни замерзших льдистых луж на земле. А смотрю я именно так. Но очень осторожно. Потому что рядом, прижавшись к моему плечу, тихо спит Даша. Рыжие кучеряшки рассыпаны по всей подушке, на щеках сонный румянец, губы совсем по-детски улыбаются во сне...

Две недели назад, как только стал в состоянии ходить и медицинский консилиум из одного академика и стайки докторов решил, что теперь моему драгоценному здоровью ничего не угрожает, мы поехали в Гомель. Мы – это помимо нас с Дашей ее мама и мои родители. Официально получил отпуск по ранению, который на импровизированном семейном совете по инициативе старшего поколения было решено превратить в медовый месяц. Типа, пользуясь тем, что все самые заинтересованные лица собрались в одном месте. Иван Петрович, официально приглашенный, обещался быть с доктором Голубевым, как только сообщим точную дату мероприятия. Валерий Антонович дал слово извиниться за заочное приглашение перед офицерами батальона, единодушно давшими разрешение на свадьбу, и привезти с собой как минимум половину командного состава. И в обязательном порядке – подхорунжего Митяева. Генерал Келлер, к сожалению, не смог присутствовать, поскольку отправился сдавать дела в свой корпус и перебираться поближе к нам. После того знаменательного разговора мы еще несколько раз умудрились собраться вместе, чтобы до конца определиться с планом действий. Пока что это получилось на большевистском уровне. Типа «землю – крестьянам, фабрики – рабочим, мужиков – бабам, водку – алкашам!». Потом пришлось расставаться, но, надеюсь, ненадолго...

Подготовка к знаменательному событию заняла неделю, но все дни проводились в режиме ошпаренной кошки. Сам отделался достаточно легко, пришлось приобрести новые сапоги, а также у рекомендованного портного купить и сразу же подогнать два комплекта формы. Один стал парадно-выходным, а другой заменил пришедшие в негодность после приключений в лесу гимнастерку и шаровары. На «парадке» теперь висело четыре креста. Георгий, Владимир, «Виктория кросс» и французский «Croix de guerre», изобретение президента Пуанкаре полугодовой давности, бронзовый крест с мечами на зеленой ленте с пятью красными полосками. Его вручал еще в Институте срочно примчавшийся генерал Альбер Амад, представитель французской военной миссии. Перед

награждением он произнес речь, развесив в воздухе целые гирлянды комплиментов, закрученных так лихо, как это умеют делать только потомки Лафонтена и Дюма. После этого настырно пытался сунуть свой длинный французский нос в дела Института, но был быстро нейтрализован хлебосольным русским гостеприимством и вскоре отправлен обратно в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Английский крест тоже решил носить, несмотря на какую-то подсознательную неприязнь к колонелю Ноксу. В конце концов, у меня на груди будет висеть кусочек бронзы от тех пушек, которые перемешали с балаклавской землей знаменитую британскую Легкую бригаду кавалерии, состоявшую из представителей самых знатных родов Англии. Какой-то лорд Теннисон даже написал по этому поводу то ли поэму, то ли эпитафию. Тем более что к кресту прилагались ежегодные пятьдесят фунтов английских стервингов, которые после пересчета в более привычные деньги составили аж целных семьсот двадцать рублей и послужили материальной основой свадьбы.

Если добавить к крестовой галерее на груди новенькую «сбрую» с трофейным люгером имени гауптмана фон Штайнберга справа и казачью, несмотря на все запреты, шашку с золоченой рукоятью, надписью «За храбрость», красным эмалевым крестиком с короной на гарде и маленьким Георгием на навершии рукояти, слева, то вид получается – очень даже ничего. Анненско-георгиевское оружие вручил тогда же, в НИИ, Валерий Антонович от имени командующего фронтом.

В приготовления женской половины к празднику по совету отца и Александра Михайловича, а также по здравому размышлению решил не соваться. Наши дамы, увеличив компанию до четырех боевых единиц при помощи мадам Прозоровой, целыми днями носились маленьким ураганом по магазинам и ателье, что-то постоянно примеряя, покупая, обменивая и совершая множество непонятных для нас действий. Так что целыми днями я беседовал «за жизнь» с отцом, по-новому его узнавая. А когда господа путейцы возвращались вечером из мастерских, под домашнюю наливочку, кофе и папироску мы все вдумчиво разбирали мои каракули на бумаге. Правая рука уже почти не болела, но до полного восстановления моторики было далеко. Рисовать я пытался чертежи пистолета-пулемета, столь необходимого моим орлам. Получалось два варианта. Что-то наподобие СТЭНа, но с магазином вниз для штурмовиков, и несколько измененная под существующие технологии Беретта М-12 для моих любимых диверсов. И то, и то запомнилось по книжке Жука и журналам из прошлой

жизни. Работа была пока только на бумаге, но Александр Михайлович уже нашел кусок цельнотянутой трубы подходящего размера и отдал в работу затвор и остальные детали. Валерий Антонович обещал привезти пару винтовочных стволов, так что в железе все должно было быть доделано после свадьбы...

* * *

Свадьба... По неопытности думал, что поедем всей гурьбой, но на полчаса раньше был вежливо послан... в церковь. Типа жених невесту должен ждать только там, на ступеньках. Вместе со всеми своими... Вскоре подъехала разукрашенная цветами и ленточками пролетка, Сашка, важный от оказанного доверия, держит икону, обрамленную рушником, Анатолий, как шафер, от моего имени преподносит невесте букетик белоснежного мирта...

Дашенька, вся в белом и кружевном, красивейшая, сияющая и немного смущенная, стоит рядом со мной, в церкви пахнет воском и ладаном, зажженные свечи чуть колеблются в наших руках...

– ...еже низпослатися им любви совершенней, мирней, и помощи, Господу помолимся... – рокошет торжественный бас священника, который ведет нас к аналою, к лежащим на нем Евангелию и Кресту...

– ...Имеешь ли произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль взять себе жену сию, ее же здесь пред тобою видишь?.. Да!.. Взять себе мужа сего... Венчается раб Божий Дионисий... Венчается раба Божия Дария... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь...

На выходе из церкви нас ждет почетный караул. Анатолий, Сергей Дмитриевич, Михалыч, Валерий Антонович. Последний, увидев нас, негромко командует: «Господа!» Четыре шашки вылетают из ножен, и мы проходим под двойной аркой сверкающих клинков, которые опускаются за нашими спинами...

Наши родители вчетвером встречают нас на крыльце хлебом-солью... Фотомаэстро со своей ослепительной магниевой вспышкой... Наш первый семейный вальс... Я немного путаюсь в белоснежных Дашиных кружевах и растворяюсь в ее бездонном, искрящемся весельем взгляде...

Так, пора усилием воли прекращать приятные воспоминания, иначе моя молодая жена рискует опоздать на дежурство в госпиталь. Тем более что уже проснулась, хитрюля, но притворяется спящей. Очень заметно по дыханию и дрожащим, но якобы еще спящим ресницам.

– Доброе утро, любимая... – тихонько целую ее в щеку. – Пора вставать, а то тебе опять придется краснеть перед доктором.

– М-м-м... Вредный мальчишка... С твоей стороны, это просто бестактность – напоминать о моем конфузе! Тем более что сам и не дал мне тогда выспаться!.. – Даша чмокает меня в ответ.

– Просыпайтесь, мадам!.. Пока я приготовлю все, чтобы ты сварила свой вкуснейший кофе... Я уже в пути!..

Потом, после завтрака, отвезу мое сокровище в госпиталь, а сам на обратном пути – в мастерские, к Александру Михайловичу. Сегодня очень важный день! Его лучшие слесари подготовили какие-то хитрые сверла и развертки под гильзу 7,63 Маузер. Остальное все готово, а сегодня будем сверлить, шлифовать, полировать и притирать стволы...

Глава 4

Вагонные колеса ритмично постукивают на стыках, вводя в своеобразный полусон-полугипноз. Этому же способствует просмотр до тошноты однообразного и унылого зимнего пейзажа за окном. Еду пока один, попросил проводника по возможности не подсаживать никого, естественно, соответствующим образом простимулировав человека. Очень не хочется терять время на пустопорожний вагонный треп с попутчиками. Голова занята более важными вещами. Потому как следую в командировку из Питера в Ораниенбаум, в Офицерскую стрелковую школу. И не с пустыми руками. В большом портфеле лежат разобранные пистолеты-пулеметы «Стенька» и «Бета», вроде как получившиеся рабочими и даже немного опробованные в Ченках. Еду и думаю, каким образом буду убеждать полковника Федорова, только что вернувшегося из Франции, в том, что такие «трещотки» под пистолетный патрон в летнюю кампанию будут очень востребованы. Хотя бы и моим батальоном.

Спасибо Федору Артуровичу, который уже перевелся к нам и принял под командование Уральскую казачью дивизию, усиленную потом 1-й Отдельной кавалерийской бригадой. А заодно и нашим батальоном специального назначения.

Получая назначение в Ставке, граф сумел протолкнуть Высочайшее разрешение на сдачу экзаменов экстерном для меня лично, и с его же подачи император, скорее всего, в ближайшее время подпишет указ, разрешающий то же самое прапорщикам, имеющим высшее техническое образование, и не просто проявившим личную храбрость, но и отмеченным боевыми орденами. Типа в интересах службы попробует заинтересовать таких людей карьерным ростом. Не знаю, как там другие будут шевелиться, а я, имея на руках бумаги, адресованные в Павловское училище, прибыв в Питер, заехал в вышеуказанное учебное заведение, чтобы оформить все формальности. И, отпустив извозчика, несколько минут стоял столбом, охреневая от увиденного...

А еще говорят, что два снаряда в одну воронку не падают... Падают, да еще как!.. Потому что здесь, в этом месте, я уже был. И прожил пять не самых плохих лет. Правда, тогда оно называлось не Павловское училище, стоящее на Большой Спасской улице, а моя родная Можайка, улица Красного Курсанта, дом двадцать один!.. А так, то же самое П-образное четырехэтажное здание из красного кирпича с пристроенными с боков круглыми башенками, за что и получившее название «Бастилия».

Зайдя внутрь, пришлось еще несколько минут подождать, отвечая на отдание чести дефилировавших в разные стороны юнкеров, с плохо скрываемым интересом разглядывавших «героя войны». Затем аж покрасневший от удовольствия дежурный унтер проводил меня до кабинета начальника училища. Генерал-лейтенант в противовес иностранной фамилии Вальберг имел типичное русское имя – Иван Иванович. Серьезный, представительный дяденька с усами и бородой «а-ля император» выслушал цель моего прибытия, углубился в поданные бумаги, затем оторвался от них и осмотрел меня с головы до ног.

– Штабс-капитан Гуров... Простите... тот самый?.. Э-э... который...

– Так точно, ваше превосходительство!.. – предоставим инициативу разговора ему, послушаем, что скажет.

– Ну, что ж, штабс-капитан, я весьма рад, что такой героический офицер стремится получить достойное образование. Мы будем рады видеть вашу фамилию в списках выпускников нашего прославленного Павловского училища... Но потрудиться придется изрядно, так как поблажек никаких не будет. Извольте быть готовым к весенним экзаменациям...

* * *

В Офицерскую школу я попал уже после обеда, промаялся бездельем часа полтора, прежде чем полковник Федоров нашел время для личной аудиенции. В принципе, его тоже можно понять. Своих дел выше крыши, а тут какой-то выскочка из окопов рвется в кабинет, желая похвастаться своими игрушками. И наверняка я далеко не первый желающий пообщаться с его высокоблагородием. Тем не менее, Владимир Григорьевич встретил меня достаточно вежливо, только на лице было выработанное предыдущими посетителями скептическое выражение.

– Вы испрашивали встречи, господин штабс-капитан? Я – к вашим услугам.

– Дело в том, господин полковник, что я хотел бы продемонстрировать вам два... ну, скажем так, автоматических карабина под пистолетный патрон. И получить заключение о возможности их производства и применения на фронте.

– Даже продемонстрировать? – Федоров, удивленно подняв брови, смотрит на меня. – Обычно подобные вам господа изобретатели привозят только чертежи... Погодите, под пистолетный патрон?.. Вы же боевой офицер, должны понимать, что дальность стрельбы будет гораздо меньше. При атаке противник положит ваших солдат еще на дальних подступах. А они даже не смогут ничем ответить.

– Сейчас начинается позиционная война, от германских окопов до наших расстояние зачастую шагов сто – сто пятьдесят, а то и еще меньше. И в этих условиях важна будет не только дальность, но и скорострельность. Может быть, аналогия будет не совсем точной, но обращусь к роману англичанина Конан-Дойля «Белый отряд». Там идет соревнование между арбалетчиком и лучником. Первый стреляет дальше, его болт мощнее, но на перезарядку он тратит гораздо больше времени, чем лучник, успевающий за это время выпустить несколько стрел и поразить ими цели.

– Ах, оставьте эти литературные бредни, штабс-капитан! – Владимир Григорьевич пренебрежительно морщится. – Мы с вами говорим про настоящее оружие.

– Хорошо, тогда возьмем сражение при Ялу в 1894 году между японским и китайским флотами. Против крупнокалиберных, но редко стреляющих китайских орудий японцы противопоставили скорострельную артиллерию среднего калибра и выиграли. Решающим фактором стали скорострельность и плотность огня.

– Аналогия понятна, хоть и не совсем уместна.

– Хорошо, господин полковник, вы же согласитесь со мной, что винтовочный патрон излишне мощный, поэтому, кстати, и планируете использовать в своем автомате либо разработанный вами патрон, либо японский Арисака...

– А откуда вам, сударь, известно о моем автомате? – Федоров подозрительно смотрит на меня. – О нем, кажется, в газетах не писали!

– Наш батальонный командир – выпускник Академии Генштаба. – Блин, подвело послезнание, надо как-то выкручиваться. – Его любимая присказка – «Генштабисты должны знать все, и немного сверх этого». Вот он нам и рассказывал.

– Офицер-генштабист – и вдруг батальонным?.. Странно, никогда не слышал...

– Дело в том, что наш батальон создан для решения специальных задач. Прорыв обороны противника, разведка и диверсии в его тылу. И он только что сформирован...

– Так вот при прорыве обороны вам и придется идти на пулеметы, не имея возможности отвечать на огонь противника!.. Погодите!.. Штабс-капитан Гуров?.. Как же я сразу не сообразил! – Федоров уже с искренним интересом смотрит на меня. – Вы же...

– Так точно, господин полковник. Но это не имеет отношения к нашему разговору. А прорывать оборону мы будем по-другому, с помощью

броневых автомобилей. Нам передали три авто, их сейчас блиндируют. Это – еще одна цель моей командировки. Насколько я знаю, у вас, в школе этим тоже занимаются.

– Давайте-ка обойдемся без ненужного официоза... Денис Анатольевич! Насчет бронемашин и тактики – это не ко мне. Обратитесь к генералу Филатову... Да, вы сказали, что привезли образцы карабинов. Можно взглянуть?

– Разрешите прямо здесь?.. – выкладываю из портфеля на стол холщовый сверток с кучей запчастей. Так, ствольная коробка со стволом, болванку затвора – внутрь, вкручиваем обычный болт в качестве рукоятки, вставляем направляющий стержень с возвратной пружиной, теперь задник, стержень другим концом крепим к нему гаечкой, далее – заглушка-крепление проволочного приклада, магазин – в горловину... Всё...

Кладу «Стеньку» на стол. Следующий мешочек. Кучка железяк через минуту превращается в «Бету». Владимир Григорьевич, внимательно следивший за моими манипуляциями, берет в руки первый образец, с любопытством осматривает его со всех сторон, взводит затвор, вхолостую щелкает... В общем, дорвался человек до любимого занятия. По памяти разбирает автомат, тщательно осматривает каждую детальку.

– Ага... Так-так-так... Интересно... А где его делали?..

– В железнодорожных мастерских.

– И что, хватило оснастки?

– Так точно. Тут самое сложное – затвор. Требуется точная фрезеровка. Вроде бы справились...

– Сколько из него отстреляли?

– Двести выстрелов. Пять магазинов по сорок патронов. Короткими очередями.

Владимир Григорьевич берется за «Бету», точно так же быстро разбирает ее и тщательно рассматривает запчасти.

– Так, а тут у вас очень интересное решение. Затвор больше чем наполовину наезжает на ствол, который служит еще одной направляющей в дополнение к стержню. Как определяли размер и массу затвора?

– Предварительные расчеты, потом – опытным путем. Спиливали сзади по чуть-чуть, пока не стал нормально работать.

– Жаль, что сегодня времени уже не хватит. Честно говоря, хочу увидеть их в деле. – Владимир Григорьевич воодушевился. – Давайте сделаем так. Сейчас пойдем к начальнику школы, покажете ему свои «произведения». Я думаю, он даст разрешение завтра отстрелять их на ружейном полигоне. Патрон, насколько я понимаю, 7,63 Маузер? На складах, кажется, есть такие. Заодно расскажете ему о том, как собираетесь использовать бронеавтомобили в наступлении.

Генерал Филатов, задумчиво пошевелив своей лопатообразной бородой, «добро» на пострелушки дал, видимо, всецело доверяя авторитету Федорова. Затем с интересом выслушал короткую лекцию о действиях мотострелкового взвода в наступлении.

– То есть вы хотите пустить в атаку три блиндированных автомобиля, чтобы сзади, прикрываясь ими, как щитами, узкой колонной двигалась пехота?

– Да, на броневиках установить пушки Гочкиса и пулеметы для подавления огневых точек противника. За несколько десятков шагов до окопов штурмовики рассыпаются цепью и, пользуясь автоматическим оружием, создают такую плотность огня, что германцы не смогут даже голову высунуть. Затем работают гранатометчики, и врываемся в окопы, растекаясь вправо-влево. Бронемашины тем временем преодолевают окопы и двигаются ко второй линии...

– Скажите, а вы не знакомы со штабс-капитаном Поплавко? – Генерал вопросительно смотрит на меня. – Он предлагал уже нечто подобное. Только собирался размещать часть солдат в бронированном кузове и вооружать холодным оружием, пистолетами Маузера и гранатами. По его задумке они должны были подъезжать к окопам противника и, захватив их, удерживать до подхода основной массы пехоты. Сейчас пробует осуществить задуманное на Юго-Западном фронте.

Оп-па, у меня уже единомышленники появились! Надо будет как-то найти коллегу да побеседовать всласть.

– А как броневики переберутся через окопы? – его превосходительство продолжает экзамен.

– Крыши машин делать съёмными, в виде железных полос с продольными ребрами жесткости. Использовать, как своеобразные мостки, перекидывая через ямы и окопы.

– Да-да, помнится, князь Накашидзе еще в тысяча девятьсот шестом предлагал такое на своем Шарроне... А что делать с вражеской артиллерией?

– Либо контрбатарейная борьба, либо диверсионные группы заранее, например за сутки, высланные в районы предполагаемого расположения пушек. В оговоренное время уничтожают их.

– Последнее сомнительно, штат батареи достаточно большой, а ваших диверсантов не может быть много в одном месте.

– Батарея на марше или в момент развертывания абсолютно не защищена. Не обязательно уничтожать всю прислугу. Выбиваем командиров и наводчиков, обезоруживаем остальных, снимаем прицелы и замки, подрываем боезапас и уходим, прежде чем подоспеет подкрепление...

– Красиво излагаете, штабс-капитан! Только от теории до практики иной раз очень далеко.

– Ваше превосходительство, данный сценарий мы проверили на практике еще летом. До сих пор работал безотказно...

* * *

На следующий день рано утром на ружейном полигоне собрались все желающие поучаствовать в испытаниях. Само собой, под руководством начальника школы, также пожелавшего оценить высоту полета творческой мысли. В двух словах объясняю особенности стрельбы. Типа на «двадцать два» отпускать спусковой

крючок, держать не за магазин, а за горловину, она специально длинной сделана.

А дальше начинается веселье. Очередями по грудным мишеням на пятьдесят шагов и ростовым на сто. Хорошо, еще в Ченках пристрелял стволы. Да, собственно, здесь спускать курок умеют все, на то она и стрелковая школа. После того как все настрелялись досыта и оттянулись по полной, солдаты меняют разлохмаченные мишени на новые, а Федоров предлагает провести испытание непрерывным огнем. Честно говоря, немного опасался за автоматы, мало ли, может заклинить от перегрева, но все обошлось благополучно. Оба автомата выпустили по длинной очереди до опустошения магазина без остановки. Единственный минус – как ни держи его, ствол при стрельбе уводит вверх. Надо бы озадачиться придумыванием компенсатора... Или оставить это на долю Федорова? Ладно, поживем – увидим...

– Ну что ж, Денис Анатольевич, первое впечатление более чем хорошее. – Федоров довольно улыбается. – Если вы не против, оставьте эти образцы на доработку. Мы с ними еще немного повозимся, доведем до ума... Кстати, сами не желаете принять в этом участие? Судя по тому, что я увидел, у вас, несомненно, есть все задатки талантливого инженера-конструктора. Можем прикомандировать вас к школе, тем более что на фронте уже повоевали и, судя по орденам, за спинами не прятались. В трусости никто не посмеет обвинить, а здесь принесете пользы не меньше... Ну что, согласны?

– Спасибо, Владимир Григорьевич, за лестное предложение, но – не могу. В будущем – с превеликим удовольствием, и если появятся новые идеи, вы тут же об этом узнаете. Но сейчас мое место там, в батальоне... А насчет доводки – буду всемерно благодарен, тем более что очень хотелось бы перевооружить хотя бы часть солдат до начала летней кампании... И еще одна убедительная просьба: ни в коем случае информация об автоматах не должна дойти до союзников! То, что мы воюем против общего врага, абсолютно не значит, что стали друзьями. Как там сказал мистер Палмерстон?.. У Англии нет постоянных друзей, зато есть постоянные интересы. И почему-то эти интересы постоянно противоречат нашим...

– Господа, давайте не будем лезть в политику! – генерал Филатов ставит жирную точку в теме разговора. – Если полковник Федоров берется за ваши... х-м... автоматы, я не возражаю. А насчет бронеавтомобилей поговорите с штабс-капитаном Мгебровым, он как раз позавчера вернулся с Ижорского завода,

сейчас работает в гаражах...

Вместе с прапорщиком, гордо носившим на погонах помимо одинокой звездочки еще и «крылатые колеса», служившие эмблемой недавно созданных автомобильных войск, попадаю в автомастерские и в отдельной комнатке знаколюсь с Владимиром Авельевичем Мгебровым. Худощавый темноволосый, с аккуратными небольшими усиками, штабс-капитан. Георгий четвертой степени на кителе, при ходьбе опирается на изящную тросточку. Заметив мой заинтересованный взгляд, он рассказывает с почти неуловимым кавказским акцентом:

– Я занимаюсь не только автомобилями. Придумал вот ружейную гранату, в августе ездил на фронт испытывать образцы, да германцы внезапно контратаковали. Ротного убило, пришлось самому поднять солдат в атаку. Вот там и ранило. Сквозное в бедро, пуля чуть-чуть кость не задела. Повалялся по госпиталям, теперь вот здесь. А вы, Денис Анатольевич, как я посмотрю, тоже не в штабах все это время сидели... Что привело к нам? Вы же вчера с полковником Федоровым встречались.

– Видите ли, Владимир Авельевич, нам в батальон передали три грузовых «Рено», два из которых мы сейчас бронируем своими силами...

– Так-так-так!.. Расскажите, пожалуйста, поподробней! Что значит «своими силами»? – штабс-капитан заинтересованно оживает. – Чем вы их собрались бронировать? И какое вооружение будете ставить?

– Работы ведутся в железнодорожных мастерских, обшиваем котельным железом под большими углами наклона. Одно авто несет 47-миллиметровую скорострелку Гочкиса, другая машина – пулеметы.

– Схему бронирования можете изобразить? – Мгебров кладет на стол несколько листов бумаги и остро заточенный карандаш. – Хотя бы примерно.

Набрасываю на листке эскиз пушечного бронника, затем на другом рисую БТР с пулеметом.

– Как видите, бронирование почти одинаковое. Листы ставятся под острыми углами к направлению движения. В этом случае пуля ударяется в броню не

острием, а боком и уходит в рикошет. По бокам листы крепятся под углом к вертикали, получается этакая усеченная пирамида с откидными бортами. Сверху – съемные половинки крыши, служащие еще и мостками для преодоления рвов. В пушечном варианте посередине кузова на тумбе установлена пушка с откидным щитом. Боезапас находится между кабиной и орудием. Если позволит грузоподъемность, у заднего свеса кузова тоже установим лотки со снарядами. В пулеметном варианте над кабиной устанавливается пулемет, под ним – патронные ленты в укладке. И вдоль кузова посередине – скамьи для десанта. Да, в бортах прорезаны круглые амбразуры, закрывающиеся крышками. Так что солдаты смогут вести огонь даже на ходу.

– Чудеса, да и только! Рад встретить единомышленника! Вот, посмотрите! – Владимир Авельевич, широко улыбаясь, достает из папки чертежи и протягивает мне. – Вот, гляньте! Сейчас на Ижорском заводе переделывают дюжину «Рено ЕЕ-22», которые союзники стыдливо окрестили «автопулеметами». Броня никудышняя, в инструкции запрещается подходить к противнику ближе трехсот метров. Полковника Секретова, который их закупил, чуть под суд не отдали. Правда, потом выяснили, что остальное еще хуже. Вот я по зрелому рассуждению и предложил такой способ бронирования. Сравните чертежи с вашими эскизами!

Сравниваю, делаю вид, что ошеломлен, хотя на самом деле помню эту машинку еще со школы, когда «Моделист-Конструктор» был у нас немного популярней, чем Чейз, Гаррисон и Стругацкие. Нос-«зубило», моторный отсек переходит в крышу, оставляя водителю и сидящему рядом командиру небольшие наклонные окошечки, закрывающиеся бронепластинами. А вот сверху уже перебор. Громадная башня на два «максима». Интересно, как же ее поворачивать?..

– Да, почти близнецы. Но позвольте, Владимир Авельевич несколько вопросов... У вас передний лист наклонен градусов под сорок пять. За счет чего это сделано?

– Дело в том, что на данной модели радиатор стоит позади двигателя, поэтому броню можно расположить таким образом.

– Да, у меня так не получится, поэтому впереди два листа образуют вертикальный угол. А дальше почти так же, как у вас... За исключением установки вооружения. Ну, с пушкой все понятно, а пулемет собираемся ставить в небольшой цилиндрической башенке...

Разговор закончился только с наступлением сумерек...

Глава 5

Наконец-то я окончательно вернулся в свой родной батальон, в котором за все время, пока выздоравливал и мотался по командировкам, произошли большие изменения. По Высочайше утвержденному штату, у нас теперь четыре роты. Моя разведывательно-диверсионная, конно-штурмовая, развернутая из полуэскадрона Дольского, пешие штурмовики под командованием Димитра Стефанова и рота огневой поддержки штабс-капитана Волгина, являющаяся также учебкой для вновь прибывающих.

«Молодые» диверсы, пройдя курс обучения, потихоньку выезжали на фронт, чтобы пройти ритуал посвящения. Под присмотром старших товарищей тихо и незаметно «сходить в гости», прирезать очередного неудачливого ганса, попавшегося под руку, и заполучить в личное пользование 98-й маузер. Немцы охреневали от такой наглости, пытались усиливать караулы, но место очередного веселья предугадать было невозможно. В конце концов они начали отгораживаться дополнительными рядами колючки, с помощью своей немецкой матери и еще кого-то там пытались забивать колья в промерзшую землю. Тогда в качестве ответной пакости Гордей, назначенный командиром отделения снайперов, стал вывозить свой молодняк «на охоту». Гансы попробовали прекратить сие безобразие с помощью артиллерии, но быстро поняли, что это – пустая трата снарядов.

Хуже было другое. Окопное население, которое и солдатами назвать можно было с большой натяжкой, ничему почти не обученное, кинутое на произвол судьбы и подчинявшееся только мату и зуботычинам унтеров, наслушалось расплодившихся, как тараканы, агитаторов и появление моих бойцов частенько встречало враждебно. Один раз их попытались даже побить, пользуясь численным преимуществом. Попытка, естественно, оказалась неудачной, несколько человек, как доложил Митяй, отправились вправлять вывихи различных конечностей, остальные расплзлись по своим землянкам залечивать синяки и лелеять оскорбленное самолюбие.

Наши технари тоже не сидели без дела. Саперы добыли лебедку, «случайно потерявшуюся» с какой-то пристани, а пушкари во главе с Бергом приспособили одну из полученных и поставленных на самодельный лафет 37-миллиметровок в качестве гарпунной пушки. Заряжался ослабленный холостой заряд, в ствол на войлочных пыжах забивалась «кочерга», к которой был прикреплен трос с крючьями. Сей «снаряд» выстреливался навесом в сторону проволочных заграждений, а затем другой конец троса заводился на барабан лебедки, и он возвращался, таща за собой оборванную колючку. Один раз даже потренировались у себя на базе. Пылкие эмоции, сдобренные ненормативной лексикой наших нестроевых тружеников, посланных восстанавливать полосу препятствий, послужили наивысшей оценкой изобретению.

В мое отсутствие Валерий Антонович внес в боевую подготовку некоторые новшества. Пользуясь старыми связями в штабе и используя в качестве жупела имя генерала Келлера, естественно, с согласия последнего, всеми правдами и неправдами забрал со всех складов около двухсот пар лыж. После случая, когда Федор Артурович пообещал некоему интенданту подарить пулю, если в течение суток его кавалеристы не получат положенного вещевого имущества, и даже кинул на стол патрон, чтобы болезный смог рассмотреть, с чем он рискует назавтра встретиться, одно его имя заставляло чинуш бледнеть, столбенеть и пытаться успокоить нервную дрожь в руках. Его же превосходительство, видимо вспомнив свое ефрейторское будущее, поставил перед каждым солдатом задачу – до весны намотать на этом виде транспорта по двести верст. А по выходным еще устраивались соревнования между ротами по биатлону, он же в девичестве – «гонка патрулей». Фишка была в том, что участвовать должны были все, потому что высчитывался средний результат по роте.

Вот этот самый шутник в генеральских погонах, приехавший в очередной раз проинспектировать прикомандированный батальон, и приготовил мне сюрприз. Федор Артурович развил кипучую деятельность по подготовке своего соединения, поэтому каждую неделю у Анатоля в его конно-штурмовом эскадроне проходили обучение офицеры и унтера из отдельной бригады и Уральской казачьей дивизии. Уральцы поначалу заупрямились, но после показательного выступления Михалыча с «нашими» казаками взялись за ум. Так что семь дней в неделю «гости» учились правильно воевать без лошадок, а потом уезжали передавать знания своим подчиненным.

Вторая новость заключалась в том, что граф в очередной раз побывал в гостях у Павлова и встретился в Ставке с великим князем Михаилом Александровичем. В

результате последний, заинтригованный Келлером, согласился наведаться в Институт. А ротмистр Воронцов, возглавляющий службу безопасности у академика, обещал присылать «в командировку» по несколько офицеров из своего отделения Новой Священной дружины. Цель визитов была вполне себе обыденной – наработка навыков штурмовых действий в городе и помещениях. Теперь помимо своих основных обязанностей я должен был еще в течение месяца готовить офицерскую группу захвата с претензией на СОБР. А потом придут следующие, и все начнется сначала.

Огорченный последней новостью, к сюрпризу я оказался просто не готов. Поэтому его превосходительство целую минуту довольно ржал, глядя на мою физиономию. Как оказалось, генералу на досуге пришла в голову гениальная мысль. О том, что батальон за тысячу человек и рота в двести пятьдесят рыл – немного разные категории. И если последней вполне хватало фельдшера и пары санитаров, то теперь их усилят один зауряд-врач и три сестры милосердия, причем почти всех я хорошо знаю, а с Зинойчкой он познакомит нас чуть позже, когда заберет ее с Юго-Западного фронта.

На мой ехидный вопрос, знает ли он продолжение фразы «Седина в голову...», двухметровый усатый богатырь показал мне генеральский кулачище размером почти с армейский котелок и предупредил, что это я раньше одного ефрейтора по техзданию гонял, а теперь против такого аргумента мне никакой рукопашный бой не поможет.

Проверять истинность данного высказывания я не стал от греха подальше и из следующей командировки в Гомель привез не только два законченных в мастерских БТРа, но и Пашу, Машу, и мою ненаглядную Дашу. Причем, им уже было известно о грядущих переменах. Один только я узнаю обо всем последним!

Зато сразу по приезде на базу уже их ожидал сюрприз. В виде моих «племяшек» – Ганны и Леси с Данилкой. Малышня быстро обрела новых горячо любящих родственников в лице одного дяди и двух тёт. А в отношении Ганны моя милая успокоилась только тогда, когда убедилась, что наш шеф-повар ни о ком, кроме Федора, и не мечтает. Но до этого я пару раз ловил подозрительно-ревнивые взгляды.

Вскоре, по идее наших дам, родилась традиция по вечерам, после всех дел собираться в постоянно пустующем лазарете на вечерние чаепития, на которых присутствовали все свободные господа офицеры и, как исключение, Михалыч и

Георгиевский кавалер старший унтер-офицер Котяра. Последний, впрочем, долго не задерживался. Улучив удобный момент, вместе со своей Ганкой незаметно и беззвучно исчезал.

Бойцам появление новых персон принесло поначалу некоторые трудности, но очень быстро все поняли, что лучше сразу выполнить все пожелания «ентого хлюпика и евонных барышень», чем сначала отстрадать различными способами, а потом все равно сделать так, как он говорит. В первый же день возникла проблема с использованием некоторых исторически сложившихся словосочетаний великого и могучего русского языка. К фельдшеру по какому-то делу пришлось несколько наших «кентавров»-штурмовиков. И попытались объяснить проблему так, как они ее понимают, совсем не думая о том, что за дощатой перегородкой их слышат женские и детские уши. Наши медсестрички возмутились, а когда малышня попыталась их неудачно успокоить, мол, ничего страшного, мы давно привыкли, возмущение переросло в праведное негодование. В результате чего Данилка был послан вестовым ко мне с настоятельной просьбой появиться как можно быстрее. Узнав от мальчика суть произошедшего, перенаправил его к Дольскому и пошел посмотреть, чем же это трагикомедия закончится.

Анатолий прибыл туда чуть позже, с ходу врубился в ситуацию и очень творчески переиначил когда-то мной рассказанный обряд похорон окурков. Виновники на листке бумаги по очереди накарябали то, что недавно произнесли, затем по настоянию командира добавили туда же остальные знакомые с детства словосочетания. После этого весь эскадрон стоял по стойке «смирно» возле отхожих ровиков, пока красноречивые обалдуи долбили мерзлую землю в режиме перфоратора и торжественно хоронили шедевр словесности. Сильно подозреваю, что после этого их товарищи в казарме высказали все, что о них думали. И очень надеюсь, что без ненормативной лексики.

Следующий косяк сотворили мои диверсанты. Перед обедом в плановом порядке, причем с моей подачи, была проверка чистоты рук. И – о, ужас! У нескольких человек под ногтями обнаружилось постороннее содержимое. Инцидент мне удалось замять одним чисто риторическим вопросом. Типа что легче: один раз вычистить и помыть руки или десять раз после обеда пробежаться по полосе препятствий? Народ намек понял сразу, и теперь у меня есть небольшая уверенность, что в моей роте самые чистые конечности.

Несмотря на зимнее монотонное однообразие, жизнь бьет ключом, приходится вертеться как белка в колесе. Даже вечером не получается хоть немножко расслабиться. Пока медсестрички учат малышню с Ганной грамоте да арифметике, мы с Михалычем сидим над учебниками. Казак после настоятельных уговоров решил рискнуть и попробовать по моему примеру попасть в училище. Только вот поступать ему придется в Новочеркасское кавалерийское. Вот и сидим, зубрим каждый свое. Тактика, военная история, фортификация, военная топография, законоведение, военная администрация и еще куча предметов. И всё это нужно выучить как можно быстрее. Потому как очень скоро будет совсем некогда...

Глава 6

Приминаемый снег тихонько поскрипывает под ногами, февральские тучи закрывают все небо грязно-серым неряшливым одеялом. Погода вполне сносная и, даже можно сказать, благоприятствующая. Особенно сегодняшней ночью. Пока светло, нужно еще раз всё посмотреть и проверить. Поэтому и крадемся между обгорелыми развалинами, именуемыми раньше деревенькой Колодино. От окраины до гансов – всего ничего, каких-то шагов триста, и видно всё очень хорошо.

Позиции они себе соорудили замечательные. От болота вправо до самого озера Нарочь тянется пятикилометровая полоса обороны. Три линии окопов, прикрытые спереди проволочными заграждениями. Пятиметровая полоса, усиленная рогатками, – в ста шагах от первой траншеи – и вторая, поуже, – над самым бруствером. Траверсы через каждые десять – двенадцать шагов, за ними смутно угадываются ходы сообщения, скорее всего, к землянкам. На удалении ста метров вторая линия окопов, на этот раз без колючки, дальше – еще одна. Почти посередине высится не очень большой, высотой метров в девяносто, холм, прозванный с подачи кого-то из наших штабных «Фердинандовым шнобелем» за схожесть с носом болгарского царя. Но шутки шутками, а преграда серьезная. Пулемётные гнезда, орудийные капониры, скорее всего, под небольшой калибр. Четыре бетонных дота, два на флангах и два посередине. Это, пожалуй, самый главный козырь...

Все это было рассмотрено за последние двое суток с чудом не обвалившейся колокольни деревянной церковки и, в качестве контрольного просмотра, из корзины аэростата артиллерийских корректировщиков. Проверено и перепроверено, а затем сегодня доложено генералу Балуюеву, командующему южной группой, куда и входит сборный корпус нашего графа Келлера. Его превосходительство долго хмурил брови и делал серьезное выражение лица, хотя и так было понятно, что наступать будем старым способом. Кидать в лобовую атаку полк за полком, дивизию за дивизией, пока не подфартит. Хотя, сказать правду, генерал пытался найти какое-то более приемлемое решение. Помимо тяжелого артдивизиона из резерва фронта выбил с нашей подачи дополнительно пару десятков телефонных аппаратов и приказал выделить из состава батарей по грамотному офицеру, которые будут находиться чуть ли не в боевых порядках и в режиме он-лайн корректировать стрельбу своих коллег. Один из них, невысокий полноватый прапорщик, сидит сейчас рядом со мной и любуется в бинокль на «Носик», делая изредка пометки у себя в блокноте, предварительно сверяясь с компасом. Поначалу он очень удивился, увидев нас, но быстро привык и теперь воспринимал как должное и телогрейку с ватными штанами, и белый маскхалат, и даже саморазогревающуюся тушенку, одно из полезных достижений Института.

Не знаю, кто был автором идеи, но Павлов считал батальон испытательным полигоном и заваливал нас креативными новшествами. Последнее достижение, сделанное его химическим отделом, очень нам пригодилось. Не знаю, дадут ли этим алхимикам Нобелевскую премию, но можно будет организовать прибытие в оргкомитет хотя бы одной моей роты, и парни со всей убедительностью, на которую способны, расскажут о том, как здорово, лежа неподвижно в снегу на морозе, греться «грелкой железно-коррозионного типа», надетой в виде жилета под одежду. Немного марганцовки, песка и чугунных опилок в прорезиненных плоских мешочках, скрепленных ремнями, при добавлении небольшого количества воды надежно греют в течение десяти – двенадцати часов. Я думаю, к моим бойцам прислушаются и возражений не будет...

– Ну что ж, Денис Анатольевич, я еще раз все перепроверил... – прапор отвлекает меня от ненужных фантазий. – Ваши вернутся, и можно будет уходить.

– Игорь Николаевич, давайте, пока есть время, еще раз обговорим наши действия, – уже пару раз беседовали, но напомнить не мешает, уж больно многое на кону стоит. – Первую линию окопов вы не трогаете. По сигналу, коим

будет запуск последовательно белой и красной ракеты, одна батарея открывает огонь по второй линии, с запуском красной и белой переносит огонь на третью. Другая батарея с самого начала работает по холму, центру и правому флангу...

– По запуску двух красных ракет прекращаем огонь до особого распоряжения. Также целеуказание может быть продемонстрировано ракетами в направлении цели. Я все помню, господин штабс-капитан! – в голосе прапора слышится еле заметное недовольство.

– Игорь Николаевич, там будет не так уж и много моих солдат, поэтому мне очень не хотелось бы, чтобы они попали под свои же снаряды. Вы же сами понимаете, что такого никто еще никогда не делал.

– Да понимаю я, Денис Анатольевич, все понимаю! Сейчас вернемся, еще раз обговорим все действия... Тем более, что ваши разведчики уже идут...

Сзади слышен тихий шорох шагов, из-за полуразрушенной стены появляются мои сибиряки. Посылал именно их из-за чуть ли не врожденного умения бегать в лесу на лыжах. Вот кому никакие грелки не нужны. Намотали километров шестнадцать в оба конца, да и согрелись. Можно было бы и меньше, но запускал их по большому кругу, чтобы гансы не заметили. Слева третий сибирский корпус, где мы обитаем, упирается в болото. Вот и отправил Гордея с парой человек проверить, можно ли, сделав крюк, выйти на лыжах к лесу, в который упирается фланг немецкой обороны, и насколько проходим сам лес. В смысле, сколько гансов в нем сидит, чем занимаются, о чем мечтают, ну и другие подробности интимно-окопной жизни неприятеля.

– Ну, рассказывайте, братцы, что разведали. Получится или нет?

– Так точно, вашбродь! Пройтить можно. – Гордей на людях играет простецкого унтера-служак. – Тут версты три до лесочка, што на болотце растёт, да от него до лесу германского с полверсты будет. По дороге пару мест хлипких есть, мы их обошли да вешки поставили. Нашли тропку запорошенную. Нынче по ней никто не ходит, так тама, где она в лес ныряет, аккурат германская колючка стоит, а за ней – германцы. Мы ешо левей взяли, обошли тихохонько сторонкой, там проволоку подрезамши, штоб незаметно было, да и пошли по лесу. Пулемет нашли и землянку. Колбасников человек десять, при пулемете двое дежурят, остальные хто чем занимаются. Костерок у них в ямке, мабуть, воду все время

греют на всякий случай.

– Ваши следы не найдут?

– Никак нет, вашбродь, – Сибиряк отвечает чуть обиженно, продолжая спектакль. – Мы, как обратно шли, лапник еловый за собой тащили. Ежели не приглядываться, то и не найти.

– Ну, добро, уходим отсюда, а то, не ровен час, какой-нибудь глазастый германец нас засечет...

* * *

Уговорить генерала Балуюева нам с Федором Артуровичем стоило больших трудов. Но всё-таки получилось. Может быть, поверил, что мы сможем сделать то, что предлагаем, а может, решающую роль сыграло то, что более чем одним батальоном он не рискует. В конце концов, согласился и даже пообещал, если все пойдет по плану, двинуть 7-ю пехотную дивизию на Близники в качестве вспомогательного удара. Так что, еще раз проинструктировав и своих, и приданных саперов и артиллеристов и сверив часы аж до секунды, как только обозначилось первое побледнение неба, увожу свою роту на лыжню... Сто шестнадцать человек, белые маскхалаты, обмотанные распущенными на полосы простынями карабины и дробовики, сбруя и кобуры, белые колпаки с прорезями для глаз, что-то среднее между балахоном ку-клукс-клана и балаклавой. Почти бесшумно скользим по лыжне, пробитой разведчиками, ориентируясь по выставленным Гордеем вешкам, двум рогулькам, на которых горизонтально лежит веточка, указывающая направление. Добравшись до поворота в густом ольшанике, объявляю пятиминутный перерыв и вместе с Оладьиным и сибиряком ползу смотреть на лес, где засели гансы. Рассвет потихоньку вступает в свои права, снежная целина тянется шагов на шестьсот и упирается в темную зловещую полосу леса. На миг возникает паническая мысль о том, что нас уже взяли на мушку и только ждут, когда подойдем на верный выстрел. Из всех сил гоню её прочь, суеверно скрещивая пальцы, сплевывая три раза через левое плечо, и встречаю понимающий взгляд охотника.

– Вот туда, чуть левее, мы лыжню протропили, – подвинувшись ближе, шепчет Гордей, затем после короткой паузы еле слышно добавляет: – Командир, мы в тайге так же косолапого отваживаем, когда на промысел выходим... Тихо там

все...

Дальше тянуть нельзя, время играет против нас, с каждой минутой становится все светлее... Вдох-выдох... Все, начинаем!.. Вперед уходят две пятерки, их задача – снять часовых и заблокировать гансов в землянке, чтобы остальные тихо и незаметно проскочили к основным окопам... Белые фигуры, сливаясь с заснеженным болотом, быстро тают в утреннем полумраке. А мы лежим и ждем сигнала... Время остановилось, минуты, а затем секунды тянутся все медленнее и медленнее. Окружающий мир похож на застывшую фотографию. Даже дувший недавно ветерок утих, и всё вокруг поглощено абсолютной неподвижностью... Почти не отрываясь смотрю на тускло светящиеся цифирки, еле ползущую по циферблату секундную стрелку... Ну сколько можно ждать!.. Чего они там медлят?..

Наконец-то вся эта застывшая картина в одно мгновение рассыпается от двух вспышек фонарика впереди!.. Пауза, затем еще два лучика света!.. Есть сигнал!!! Путь свободен!!!!.. Поднимаю вверх сжатый кулак, в смысле «Внимание!», командиры дублируют команду. Не оглядываясь, спиной чувствую, как подобралась и приготовилась к броску бойцы... Три, два, один!.. Вперед!.. Опускаю руку в направлении движения, и тут же с легким шелестом меня с двух сторон обтекают белые фигуры, мчащиеся в темноту и неизвестность. Оладьин с тридцатью бойцами уходит чуть левее, у него своя, особая, задача. Я с Егоркой и Михалычем попадаю в центр колонны, и мы мчимся к темнеющей опушке леса...

Через опутанные колючей проволокой стволы деревьев смотрю туда, откуда только что мы появились. Даже если бы гансы и были живыми на тот момент, все равно ничего бы не увидели. Как не увидели моих разведчиков, отправивших их на свидание с предками. Два трупа лежат в пулеметном окопе, уткнувшись в мерзлую землю. Чуть поодаль, возле землянки, сидит засада. Два бойца с приготовленными гранатами возле дымовой трубы, пятеро по обе стороны траншеи у самого входа и пулеметчики чуть поодаль. Шепотом напоминаю командиру, что этих очень желательно убрать беззвучно, если вылезут раньше времени, или абсолютно без разницы каким способом, когда начнется заварушка. Пролетаем лесок насквозь, снимаем лыжи. Если выиграем, вернемся за ними, а если нет... Тьфу-тьфу-тьфу!.. То они нам больше не понадобятся... От слова «ва-аще»...

Неподвижно лежим возле первой линии, наблюдая за последними секундами жизни часового. Бедный озябший ганс ходит взад-вперед, почти не обращая

внимания на некоторые изменения окружающей обстановки. Например, на то, что небольшие сугробчики все ближе и ближе подползают к траншее и замирают, когда он поворачивается к ним лицом. Очередной его рейс внезапно заканчивается аварийной остановкой. Сзади на спину немца прыгает один из сугробов, одной рукой захватив на удушение локтем и второй затыкая ему рот. Тут же появившаяся перед ним из ниоткуда белая фигура делает короткое движение рукой, и остро заточенная железяка, пробив шинель и всё, что под ней надето, попадает в сердце. Ударная тройка спрыгивает вниз, двух маузеров и дробовика в окопе вполне достаточно. Сверху по тыльной стороне двигается расчет «мадсена». Поворот окопа, развилка, влево с тихим шуршанием снега под ногами уходит две пятерки для блокирования землянки с досматривающими последний сон немцами. Алгоритм действий прежний: двое с гранатами на крышу к трубе, остальные встретят выживших у входа. Огибаем траверс, бежим дальше, потом замираем, и вперед уходит пара бойцов снять очередного часового. Все повторяется сначала, и мы опять двигаемся вперед...

Двести метров окопа, шесть землянок, три пулеметных гнезда – все подготовлено к предстоящему веселью. Остался последний штришок... В темноту мигает фонарик, по этому сигналу Николенька Бер со своими саперами должен проделать проходы в колючке, не опасаясь немецких пулеметчиков, страдающих бессонницей. Хотя на всякий случай их прикрывают бойцы из роты огневой поддержки с МГ-шниками, поставленными на самодельные салазки, и большим запасом патронов. Лишними они точно не будут, нам еще помогать тридцать седьмому сибирскому полку вторую и третью линию брать...

Проходит минут десять, из-за бруствера слышатся приглушенные шорохи, звяканье. Маячим еще раз, через пару минут в окоп сваливаются четыре фигуры в белом. Прапорщик Бер, давешний артиллерист и два бойца, которые тянут телефон и катушку с проводом.

– Денис Анатольевич, четыре прохода по десять метров готовы, – докладывает чуть дрожащим от нервного напряжения голосом Николай Палыч, уставший, но довольный. – На месте оставил бойцов с фонариками – направлять сибиряков. Здесь колючку тоже порезали, можно начинать...

– Игорь Николаевич, а вас каким... ветром сюда занесло?!

Вот только сюрпризов-нежданчиков мне здесь не хватает.

– Тут сейчас такое начнется! А мне нужен живой и невредимый корректировщик!

– Господин штабс-капитан, не надо считать меня маленьким ребенком! – пытается качать права прапор-артиллерист. – Мне отсюда будет удобней! Тем более что ваши солдаты снабдили меня теплыми вещами и маскировочной накидкой...

М-да, самое время спорить, кто храбрее!.. Придется снимать «мадсен» с правого фланга и ставить в охранение к этому инициативному юноше. Так, на всякий случай... Подзываю командира одной из групп:

– Так, Петро, своих парней с пулеметом сюда, и чтоб, как няньки, опекали господина прапорщика с его телефоном! Всё понял?..

Унтер моментально исчезает... Так, еще раз... Две сотни метров по фронту свободны, проходы сделаны, землянки блокированы... Справа на одном из траверсов выставлены три трофейных МГ и «мадсены»... один «мадсен». Отгонять гансов, если те полезут закрывать прорыв... Достая ракетницу, патрон из левого кармана... В воздух взлетает не отличимая от германских осветительных белая ракета, затем, через несколько секунд – красная!.. Все!!.. Началось!!.

Совсем негромко рвутся гранаты в землянках, артиллерист что-то бубнит в трубку телефона, секунды тишины сменяются далеким бабаханьем, рядом со второй линией взмывают фонтаны мерзлой земли, подсвеченные красным. Потом еще и еще... Корректировщик продолжает висеть на телефоне, и, видно, не зря. Очередной залп ложится почти полностью в траншею, вверх летят какие-то бревна, жерди и, по-моему, кто-то из гансов. Или мне показалось в сумерках?.. Следующие снаряды прилетают правее. Прапор-артиллерист, как дирижер, руководит своим «оркестром». Уцепился по дальности за окопы и утюжит их вправо-влево... Немцы только сейчас очухались и пытаются начать контрбатарейную стрельбу.

И, похоже, генерал Балугев все-таки двинул 7-ю пехотную дивизию вдоль Нарочи. Расстояние в несколько километров, конечно, гасит звуки, но там что-то такое грандиозное слышно. Вот и ладненько! Будет отвлекающий удар, и сюда меньше колбасников полезет. Кажется, они еще ничего не поняли, движухи пока никакой!.. Теперь только сибиряков дожидаться, что-то они не торопятся... Хотя –

нет, вру!.. Идут, идут, родимые!.. Сзади слышится топот, скрип снега, бряцанье, приглушенные матерки, и очень быстро в окопе становится тесно от родных серых шинелей и папах. Немногочисленные бородатые дядьки-ветераны, безусый молодняк, все пытаются отдышаться после бега по сугробам, кто-то набирает горсть снега и обтирает лицо, кто-то жует его, утоляя жажду... Те, кому не повезло, располагаются за бруствером. Ко мне пробивается знакомый уже ротный.

– Ну, господин поручик, добро пожаловать! Сейчас наши пушкари закончат, – и вперед! Вы – на вторую линию, а мы вас с фланга прикроем, – стараюсь перекричать грохот близких разрывов.

– Мы готовы!.. А германцы вроде не ждут нас так скоро!..

– Ничего, я думаю, они не обидятся – просто не успеют!.. Игорь Николаевич, командуйте своим огонь на третью траншею!

Снова в руках ракетница, в воздух взлетают красная и белая звездочки. Снаряды начинают рваться уже далеко впереди, мимо нас с диким ревом «У-у-р-р-а-а-а!» вытекают на свободное пространство и несутся к черной, исковерканной взрывами нитке окопов сибирские стрелки. Пропустив первую роту, поднимаю своих бойцов и движемся вторым эшелоном, забирая вправо... Откуда прилетает первая смерть! Оживает «Фердинандов шнобель», на холме видны вспышки оружейных выстрелов, пара взрывов накрывает сибирцев. Но на скорости это никак не сказывается. Одним словом – чалдоны, на подъем тугие, но если уж поднялись, никто и ничто их не остановит!.. Оставшийся в окопе прапор-артиллерист соображает быстро, через несколько секунд начинает работать вторая гаубичная батарея. Холм покрывается оспинами свежих разрывов, огонь немцев слабнет. Но зато проявляется дот слева у холма. Лупит, судя по разрывам, трехдюймовыми. И довольно точно... Сибиряки уже добежали до второй линии и схватились врукопашную с немцами, забираем правее, чтобы обогнуть их... И сыплемся вниз на спешащих по траншее гансов. В качестве очень неприятной неожиданности. Потому что начинается «избиение младенцев». Немцы со своими длинными винтовками сразу проигрывают в тесноте окопа ударной группе, вооруженной «маузерами K96» и дробовиками. Так, перекинуть со спины заныканную от Федорова вторую «Бету», щелчок взводимого затвора, и вперед!.. Оставляем позади полвзвода немцев, превращенных в полуфабрикат для братской могилы, топаем по траншее. Справа и слева поверху нас страхуют расчеты «мадсенов»...

Откуда-то из бокового ответвления в пулеметчиков летит «колотушка», бойцы ныряют в снег, бахает взрыв... Живые, нет?!.. Вроде да!.. В окоп перед нами влетает еще одна граната. Впереди идущий на автопилоте, абсолютно не раздумывая, моментально отправляет ее обратно. Следом летит еще парочка в качестве ответной любезности... Короткий вопль, заглушенный грохотом... Не понравилось, однако!.. Второй номер контужен или ранен, его тут же подменяет кто-то из бойцов... За поворот окопа навесом летит очередная лимонка, взрыв, маузерист уходит вниз, на колено, давая идущему следом хороший сектор стрельбы для винчестера... Никого... Дальше, до следующего поворота...

Блин, где Оладьин со своими?! Дот у подножия холма не дает жизни сибирякам, долбит и долбит с фланга. До него осталось шагов четыреста. Бойцы лупят из карабинов, но все без толку...

– Котяру сюда! – Бойцы по цепочке передают мой приказ назад, вскоре появляется Федор со своим «ружжом» Гана, следом второй номер тащит уже разложенную треногу.

– Попробуй заткнуть амбразуры!

Кот кивает, устраивается позади бруствера, тут же бахает выстрел. Потом еще и еще... Орудие смолкает, но через минуту снова начинает стрельбу. Но чуть позади взлетает красный огонек ракеты, затем еще два!.. Оладьин!.. Дошел-таки Сергей Дмитрич!.. Тут же в доте что-то бумкает. Выпрыгиваем из траншеи, несемся вперед, не обращая внимания на редющий огонь с холма...

Обогнув безжизненную бетонную коробку, карабкаемся вверх, на вершину, догоняя своих... Пока пара МГ-шников не прижимает нас к земле!.. Хорошо устроились, сволочи! Нас на голом снегу, как куропаток сейчас перещелкают! И откуда только вылезли?! Патрон в ракетницу, светящийся шарик ложится между пулеметами... Через десять секунд с нашей стороны прилетает четыре подарка калибра сто двадцать два миллиметра, потом еще залп... Пользуясь случаем, подбираемся чуть поближе, недалеко от меня Федор снова устраивает свою игрушку на треногу...

Бумс!..

Ай, молодца! Пулемет завалился набок, второй тоже не стреляет, видать, осколками попало!.. Даю отбой артиллерии... Вперед!.. Рывком долетаем до укреплений, теперь вниз, и кто не спрятался, – я не виноват!..

Из-за поворота на нас выскакивает толпа гансов во главе с каким-то лейтенантом, который имеет наглость целиться в меня из люгера!.. Ухожу на колено, одновременно палец жмет на спусковой крючок, татакает короткая очередь. С пяти метров хорошо видно, как пули рвут шинель на груди, херр офицер заваливается назад, недоуменно глядя на меня... Ну-да, в таких спорах «Бета» – убийственный аргумент. В обоих смыслах... Над головой грохочут сразу два дробовика, картечь выкашивает первые ряды... Черт, так и оглохнуть можно!.. Добавляю к винчестерам несколько очередей, с бруствера скороговоркой подхватывают маузеры, один из бойцов протискивается мимо меня вперед и выдает из дробовика серию по-ковбойски, от бедра... Отстреляв все, падает за труп лейтенанта и начинает быстро перезаряжаться. Прикрываю его короткими очередями... Все, путь свободен, побежали...

Глава 7

Сижу на ступеньках дота и курю уже третью, наверное, папиросу. «Фердинандов шнобель» наш. Добрались до вершины, а там пошло легче. Гансы, зажатые в два огня, решили смотаться по-быстрому. Причем так спешили, что захватили только винтовки, так что мы еще немного постреляли им вслед из брошенных пулеметов. Девять МГ-08 вместе со всеми причиндалами, включая даже канистры с антифризом, стоят в ряд... А немного дальше на снегу также в ряд лежат мои бойцы. Одиннадцать человек... Погибшие при штурме этого долбаного «шнобеля»... Каждого из которых я знал... Плюс двадцать шесть раненых, из них четверо – тяжелые, которых могут и не довезти до госпиталя... Можно успокаивать себя тем, что при обычном штурме счет шел бы на сотни и тысячи, только... Ладно, не сейчас!.. Вечная память и земля пухом вам, братцы!.. Мы за вас отомстим. И очень скоро!..

Вон наконец-то начальство едет. В образе генерал-лейтенанта Келлера. Глядя на Федора Артуровича, вспоминаю байку из будущего: «Наш командир пешком на техзону? Никогда! Берет или УАЗик, или зама по вооружению». Его превосходительство, как и положено по чину, следует в сопровождении

нескольких начальников и командиров от Уральской казачьей дивизии, а также кого-то из штабных, адъютанта, вестовых, и конвойного взвода. Рядом, делая вид, что никуда не торопятся, рысят конные штурмовики Анатоля Дольского, личный резерв командующего. Хотя сильно подозреваю, что была бы возможность, рванули бы за уральцами на Мокрицы и Железняки. Не терпится им, блин, под пули...

Встаю и иду навстречу генералу, чтобы доложиться по всей форме, но Келлер, соскочив с лошади, машет рукой, мол, сам все знаю и все вижу, и, оставив свиту поодаль, подходит ко мне.

– Ну, Денис Анатольевич!.. Ну, молодцы!.. Признаюсь, были сомнения, что все получится...

– И все же согласились, Федор Артурович?

– Согласился! – Келлер заговорщицки подмигивает. – Как говорил один мой... Скажем так, знакомый: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

– Кстати, кажется, тот самый знакомый обещал вам подарок? – Достая из-за спины приготовленную кобуру с люгером. – Вот, чем богаты...

– Спасибо, Денис Анатольевич! – Граф, довольно улыбаясь, принимает «гешефт». – Доставили удовольствие старику. Ну, да будет... Как мыслите себе дальнейшие действия?

– Дожидаюсь капитана Бойко и штабс-капитана Волгина. Передаю им трофеи, которые не понадобятся в наступлении, отправляю раненых и убитых, затем следую за вами. Штурмовая рота Стефанова, забрав все лыжи, ушла вперед сразу за сибирцами.

– Хорошо, грузитесь и догоняйте нас. Скоро прибудет ваш транспорт – российский вариант марнского такси...

Ну, это мы уже в курсе. Его превосходительство, заручившись согласием генерала Эверта, собрал все сани-розвальни, имевшиеся в гарнизоне, да еще и вместе с лошадьми. Получилось около тридцати упряжек. Мы забираем семна-

дцать, по одной на пятерку и пару обозных, с провиантом и фуражом для лошадок. Остальные загрузим ранеными, убитыми и трофеями, пока до них не добрались цепкие ручонки интендантов, и отправим на базу. Там сохраннее будет...

Действительность немного превзошла наши ожидания. После того, как погрузили раненых, закутав во все, что только можно было, включая трофейные шинели, с нами за компанию отправился подпоручик Берг со своими подчиненными и импровизированной батареей из двух револьверных 37-миллиметровок Гочкиса. Двое саней тянут пушки на салазках, еще двое – боезапас. Накидав на дно саней сена (и лошадакам НЗ, и нам помягче будет), пускаемся вдогонку за прорвавшим импровизированную четвертую линию обороны 37-м сибирским полком и уральскими казаками. Долго скучать не приходится, едва выезжаем из полуразрушенных дымящихся Мокриц, из-за поворота показываются трое скачущих широким наметом казаков с парой заводных лошадей. Подлетев, старший из них, бородатый вахмистр громко осведомляется, где найти командира. Машу рукой, чтобы он заметил, и шагаю навстречу. Казак, соскочив с коня, козыряет и рапортует:

– Первой сотни четвертого Уральского казачьего полка вахмистр Гришутин, вашбродь! От их превосходительства до штабс-капитана Гурова!

– Здесь я, здесь! Говори, что приказано передать!

Казак, оглядывая меня с ног до головы, секунду мешкает в сомнении, затем лезет за пазуху, достает сложенный вчетверо листок бумаги и протягивает мне. Вот, блин, режим секретности при передаче боевых приказов!..

– Служивый, а ты точно уверен, что передал бумагу по адресу? А вдруг кому другому отдал, а?..

– Уверен, вашбродь! – вахмистр широко улыбается, показывая на «Бету», висящую у меня на боку. – Их превосходительство сказывали, што тока у вас однава вот такой пистоль с двумя ручками имеется.

– Добро, уговорил! – улыбаюсь в ответ. – На словах ничего не велено передать?

– Тока то, штоб поспешали, вашбродь...

В записке две строчки размашистым почерком: «Ускорить движение колонны, лично прибыть в штаб с вестовыми». Коротко, ясно, понятно.

– Сергей Дмитрич! – подзываю Оладьина, ехавшего на следующих санях. – Ускоренным маршем двигаться по дороге на Железняки. Бойцов спе?шить, пробегутся пару верст, заодно согреются. В санях остаются только возницы и вещмешки. Я – к генералу, похоже, что там что-то интересное начинается...

* * *

Федор Артурович обосновался на небольшом, относительно целом хуторке верстах в трех от деревеньки Карабаны, где засевшие гансы почему-то не хотели сдаваться в плен и пропускать нас дальше. Быстро протолкавшись через заполнивших маленький двор конвойных казаков, прохожу в дом. Генерал, пехотный полковник и два войсковых старшины от уральцев что-то обсуждают, обступив стол с разложенной на нем картой. Докладываю о прибытии и тут же окунаюсь в гущу событий.

– Мы в данный момент находимся здесь, – карандаш в руке Келлера утыкается в карту. – В пяти верстах отсюда в Карабанах германцы успели организовать оборону. Сибирские стрелки не смогли с ходу взять деревню, понесли потери. Положение усложняется тем, что к северу в двух верстах, за лесом находится местечко Бояры, возле которого стоит гаубичная батарея, очень сильно нам мешающая. Стоит тридцать седьмому полку подняться в атаку, тут же накрывают цепи беглым огнем, снарядов не жалеют. С фланга их не обойти – болото. У меня создалось впечатление, что выставлен хорошо организованный заслон, задача которого придержать нас до подхода резервов. Поэтому ваша задача, Денис Анатольевич, – обезвредить германские гаубицы. И чем скорее, тем лучше.

– Разрешите, ваше превосходительство? – Двигаю к себе карту, рассматривая подробней нанесенную обстановку. – С севера, вот здесь, у Пронек, есть наши части?

– Да, там меж лесочков мои казаки вместе с седьмой пехотной дивизией отлавливают прячущихся колбасников, – объясняет один из казачьих полковых командиров, статный, крепко сбитый усач с Георгием на кителе. – Там, почитай,

полдивизии их по сугробам прячется.

– Тогда, если разрешите, ваше превосходительство, моя рота уходит от Железняков на Проньки, затем поворачиваем влево и выходим на опушку леса рядом с Боярами. Там уже рассылаю разведку в поисках батареи. При обнаружении – атакуем с фланга или тыла. Как только захватим гаубицы, даю... ну, например, три красные ракеты. Очень было бы неплохо к этому времени выдвинуть штурмовиков подпоручика Стефанова влево от Карабанов. Да, там болото, но на лыжах пройти можно. Мы сегодня уже попробовали. По сигналу они могут ударить там, где их никто не ждет.

– Хорошо. В целом идея правильная. – Федор Артурович сосредоточенно смотрит на карту, прикидывая что-то в уме. – Давайте, господа, обговорим все детали, и – за дело. А то мне кажется, что времени у нас не так уж и много...

Мы отправились на «охоту» маленькой незаметной компанией в полсотни боевых единиц, часть людей я, с разрешения генерала, оставил в резерве. Три версты вместе с «охранявшими» нас казаками до деревушки пролетели незаметно. Потом распрощались с уральцами и повернули налево к лесу, который тоже очень скоро кончился. В километре от нас – долгожданные и таинственные Бояры, где-то здесь, в округе, прячутся нехорошие немецкие пушки со злыми и бессовестными расчетами, мешающими нашему наступлению.

Сани остаются в лесу, рассылаю веером три пары разведчиков на одолженных у штурмовиков лыжах. Белые балахоны на белом снегу под серым небом быстро исчезают из вида. Пока они бегают по округе, сижу и разглядываю в бинокль то, что осталось от населенного пункта. Многие дома разрушены, хотя кое-где видны следы спешного ремонта... А вот это уже точно новостройка! На перекрестке дорог, у самого въезда в деревню очень невысокий бревенчатый сруб типа «долговременная огневая точка». Скорее всего, на два пулемета. И, что характерно, построена прямо вот сейчас, гансы еще крышу достелить не успели, только над бойницами несколько бревнышек положили... И что это означает? А то, что у батареи есть прикрытие. Так, на всякий случай... Интересно, а с других сторон тоже?.. Ну, ладно, разведка вернется, узнаем...

Разведчики не заставили себя ждать и вернулись очень скоро. С остальных сторон в деревню можно было войти вполне свободно и незаметно. М-да, кажется, гансы оскорбительно низкого о нас мнения. Они что, думают, что русские варвары умеют только своим бараньим лбом в закрытые ворота

колотиться?.. Ну, может и так, только это вина тех тупых баранов, которые в генеральских погонах в штабах геморрой зарабатывают. За очень редким исключением... Ну, сие к делу пока не относится...

Искомые пушки находились в деревне, одна из групп засекла их на площади, вторая насчитала четыре зарядных ящика, только что подвезенных откуда-то с севера. Пора действовать!.. Оставляю с санями десять человек, остальные очень тщательно осматривают друг друга на предмет неположенных темных пятен, поправляют обмотанные белой холстиной карабины, ремни, все, что может выдать нас на фоне этого белого безмолвия. А потом двумя цепочками закладываем двухверстовую дугу, чтобы выйти там, где нас однозначно никто ждать и даже видеть не будет. Проклиная полуметровый слой снега, меняя через каждый сто шагов прокладываемую дорожку, пригибаясь к снежным перекатам-сугробам и очень надеясь на то, что в нашу сторону не смотрит в бинокль какой-нибудь любопытный ганс, которому просто нечем заняться...

Добираемся до околицы, буквально дыша через раз, обходим огородами артиллерийскую тягловую силу почти в тридцать лошадиных сил. Коняшки, привязанные к заборам, отдыхают от трудов праведных под присмотром четырех зольдатенов-коноводов, которые на мой взгляд довольно опрометчиво скучковались на крыльце ближайшего дома и делят что-то нажитое нелегким трудом. В смысле, мародерничают. И ведь давно уже деревня под немцем, я думал – всё, что можно было украсть, уже украдено до них, а вот, гляди-ка, нашли, чем поживиться. В воздухе уже летают традиционные свиноголовые собаки и интересные эротические характеристики жен и матушек участников дележки... Ну-ну, не ссорьтесь, девочки!..

Оставляю для присмотра, свершения правосудия и приведения приговора в исполнение одну пятерку, и пробираемся огородами дальше к деревенской площади, на которой расположились четыре германские гаубицы. Гансы дисциплинированно торчат возле орудий в готовности открыть огонь, только вот начальства выше унтера я там не вижу. Надо найти, где засел их батарейный командир... Ага, кажется, знаю. Петро, командир пятерки, трогает меня за рукав и показывает на еле заметную ниточку провода, лежащего на снегу, затем изображает пальцами ножницы. Отрицательно качая головой, типа рано еще, и прослеживаю, в какой из домов тянется линия связи... Вот, большая хата-пятистенка перед взгорком, на котором находится центр местной цивилизации. И на крышу лезет немец с биноклем. Замечательно!..

Показываю двум командирам групп, что их вместе с личным составом ждет прогулка на другой край деревеньки к немецким пулеметчикам, и, как только начнется пальба, эти гансы должны скоростно скончаться. Выбор способа, каким они отправятся в другой мир, – на усмотрение старших. Времени добраться – пять минут. Те кивают, мол, поняли, и десяток фигур быстро исчезает из виду. Теперь задание очередной группе: держать дом с телефоном, с началом веселья убрать наблюдателя с крыши и всех находящихся внутри. Пленные нам не нужны. Еще пять человек белыми ящерками уползают в заданном направлении...

Остаются четыре пятерки. По одной на каждую гаубицу. Короткая беседа на пальцах, и мы поползли занимать позиции... Вроде все на местах, можно начинать... Нет, нельзя! Из избы вылетает герр офицер и орет во всю глотку какие-то команды. Из знакомого слышно только «Ахтунг!» и «Шнеллер!». Немцы кидают все дела и шустро, как тараканы, начинают готовить батарею к бою.

Не понял!.. Мы так не договаривались!.. Это что, вы, гаденыши, сейчас будете стрелять по нашей пехоте почти что нашими снарядами из почти что наших пушек?! Ага, щаз-з!.. Поднимаю «Бету», до цели, толстого унтера, копающегося возле зарядного ящика с непонятной железякой в руке, шагов пятнадцать. Смешная дистанция... Короткая очередь глохнет в чуть запоздавшем винтовочном залпе, отрывисто трещат «мадсены». Прислуга орудий моментально принимает горизонтальное положение, не ответив ни единым выстрелом. Ганс с биноклем слетает с крыши вниз головой. А вот не надо было думать, что ты – птичка, человек летать не умеет, тем более после пары выстрелов в упор. Бойцы моментально оказываются возле окон, звенят осколки стекла, внутрь лупят сразу три ствола... С обеих сторон деревни тоже слышны выстрелы. Которые, впрочем, тут же смолкают... Вроде все...

Идем смотреть трофеи. Пушки как пушки. Коротенькие стволы, калибр – сто с чем-то миллиметров. Зарядные ящики опустошены примерно на четверть. Личный состав батареи тих и неподвижен. После проведенного контроля. С нашей стороны потерь нет... Бойцы собирают трофеи, нам повезло. Мимо меня проходят бойцы, навьюченные связками карабинов, шествие замыкает командир «трофейщиков», надевший на шею ремень с десятком артиллерийских люгеров в кобурах. И это не считая самой батареи и двух МГ-08 с большим запасом патронов. Выпускаю в небо три светящихся красных шарика из ракетницы, мы свое дело сделали...

Глава 8

От приятных мыслей о захваченных «плюшках» меня отрывает зуммер телефона, хорошо слышимый через разбитое окно. Ну, пойдём, пообщаемся, заодно попрактикуемся в немецком. Что-то подсказывает, что на том конце провода других языков не знают... Ну, подожди, не зуди, я уже в снях!.. Ух, какой нетерпеливый!.. Хватаю трубку стоящего на столе чуда техники...

– Да!..

– Герр обер-лётант, это – фельдфебель Кнопф! Герр оберст приказал узнать, все ли у вас в порядке? Мы слышали выстрелы и кто-то пускал ракеты...

– Все хорошо. Из леса показался разъезд казаков, мы их отпугнули из пулеметов. Ракеты, скорее всего, пускали они. Так и передайте герру оберсту.

– Яволь, герр обер-лётант! Он еще приказал узнать, готова ли батарея к открытию огня?

– Черт подери, Кнопф! Чем меньше идиотских вопросов вы будете задавать, тем быстрее мы будем готовы!..

Кидаю трубку на место. Может, и прокатит в условиях цейтнота. Как я понимаю, сейчас начнется наша атака... Вот лопух!.. Нужно было с собой кого-нибудь из пушкарей прихватить, могли бы здорово облегчить задачу сибирякам! У меня же все бойцы о пушках знают на уровне «разобрать, сломать, подорвать». Хреново... За лесом, у Карабанов слышатся звуки разгорающегося боя. Телефон гундит снова, отвлекая от сеанса самобичевания. Не торопясь, достаю из портсигара папиросу, закуриваю и с наслаждением выпускаю дым в потолок, глядя, как чудо техники в кожаном футляре чуть ли не подпрыгивает на столе от нетерпения. Как там в книжках писали?.. «Телефоны раскалились добела?..» Этот пока даже не нагрелся, значит, можно подождать еще маленько... Вот теперь достаточно. Беру трубку...

– Герр обер-лётант, нас атакуют! От...

– Идите в задницу, Кнопф!..

Трубка снова возвращается на место. Но долго лежать там не хочет. Десяти секунд не проходит, как телефон снова начинает бесноваться. Ну, подожди, не видишь – я занят. Дай покурить спокойно, без истерик... Две неторопливые затяжки, кидаю окурочок в окно и снова беру трубку.

– Мюллер, это оберст Штольц!!! Какого дьявола молчат ваши гаубицы?! Немедленно открывайте огонь, русские уже почти на окраине деревни!..

– Герр оберст, как вам не стыдно? Вы оторвали меня от чашечки свежесваренного кофе! Не мешайте, я хочу побыть немного в тишине, а не слушать ваши истеричные вопли!..

Трубка довольно долго молчит, потом начинается вторая серия, причем таким голосом, что я всерьез опасаюсь, что аппарат сейчас загорится или трубка начнет плавиться.

– Обер-лётант Мюллер!!! Я вам приказываю...

– Герр оберст, плюньте на всё, прикажите заварить вам кофе и получите максимум наслаждения! В русском плену это будет очень редким удовольствием...

Кидаю трубку на рычаг и выхожу на свежий воздух. Узнать, откуда вдруг конский топот возле дома... Оп-па!.. Вот это номер!.. Десяток казаков и подпоручик Берг собственной персоной... Уже спешил, кинул поводья одному из сопровождавших и, улыбаясь, идет навстречу.

– Прибыл в ваше распоряжение, Денис Анатольевич! Его превосходительство отправил принимать во владение трофейные орудия, – артиллерист понижает голос, чтобы посторонние уши ничего не услышали. – Он сказал: «Этот настырный штабс-капитан всё равно прикарманит пушки. Вот пусть сразу с ними и валандается».

– Рад вас видеть, Роман Викторович! Очень своевременно появились. Пойдемте, покажу наше приобретение. – Вместе с Бергом шагаем на батарею. – Как там

сибиряки, справляются? Или поможем им из трофеев?

– Помогать поздно, они уже в Карабанах. Димитр со своими «янычарами» всё-таки прошел по болоту и ударил с фланга. – Подпоручик отвлекается, осматривая орудия, подходит к зарядным ящикам, затем выдает заключение: – Ну что ж, могу вас поздравить, да и себя тоже. Легкие полевые гаубицы FH 98/09. Калибр десять с половиной сантиметров по германскому счислению, дальность стрельбы – шесть километров. Снаряды – шрапнель и граната. Очень неплохое приобретение, Денис Анатольевич. У командира батареи должны быть где-то баллистические таблицы...

– Ну, сам-то он уже ничего не скажет. Пойдемте, посмотрим в доме. – Стоит только войти в хату, как снова начинает гундеть телефон. Интересно, кто на этот раз? Опять тот оберст?..

– Вас ист лос? – беру трубку, настраиваюсь еще немного пообщаться с немцем, но в ответ слышу совсем неожиданное:

– Але, але!.. Слышь, ты там еще не сдох, немчура проклятая?! Погоди немного, мы скоро до вас доберемся и тогда...

Далее следует обширная цитата из петровского загиба, произносимая с большим чувством, видно, оратор в уме во всех нюансах представляет то, что пытается описать словами. Отрываю трубку от уха и жестом приглашаю Берга присоединиться к прослушиванию шедевра изящной словесности. Надо же, как старается человек! И, судя по построению фраз, я даже знаю, кто бы это мог быть, несмотря на помехи и искажения на линии. Недавно одному товарищу давал сей шедевр под запись. В качестве поощрения. Дожидаюсь момента, когда у говорящего кончается воздух в легких...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/cherepnev_dmitriy/triumvirat

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)